ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 93/94:930.2

Н. В. ВОРОБЬЕВА

Омский экономический институт

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ВОЗЗРЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПАТРИАРХА НИКОНА)

В статье рассматривается концепция исследования системы взглядов (картины мира) церковного деятеля с помощью выявления исторического контекста появления образа адресантов и адресатов, а также предмета сообщения посредством дискурсного, интроспективного и дефиниционного анализа для определения принципов экзегетики и герменевтики объекта исследования (в «Возражении, или Разорении» патриарха Никона). Метод интроспективного анализа предусматривает выявление значения и употребления, а дефиниционного анализа — сопоставления значения лексических единиц, в частности, авторитетных текстов, подтверждающих традиционализм патриарха.

Ключевые слова: патриарх Никон, дискурсный анализ, интроспективный анализ, дефиниционный анализ.

В «Возражении, или Разорении» патриарха Никона можно выделить несколько пластов традиционных текстов: Священное Писание и Священное Предание, постановления Вселенских соборов, Поместных соборов, Русских церковных соборов, Градские законы греческих царей, Правила святых отец, Кормчую книгу, правила свт. Василия Великого, заповеди благочестивого царя Константина, заповеди благочестивого царя Мануила греческого, правила и апостольские заповеди Кирилла, архиепископа Александрийского, памятники канонического и светского права — устав св. Владимира, Соборное уложение [1].

Мы предлагаем следующую концепцию исследования системы взглядов (картины мира) церковного деятеля:

— во-первых, необходимо выявить исторический контекст появления образа адресантов и адресатов, а также предмета сообщения (дискурсный анализ);

— во-вторых, необходимо произвести измерение качественных признаков посредством подсчета качественных атрибутивных признаков, характеризующих свойства объекта, — для описания любого текста важно выяснить закономерности его отношения к текстам-предшественникам, сходство с традицией и оригинальное ее продолжение;

— в-третьих, провести интроспективный и дефиниционный анализ для определения принципов экзегетики и герменевтики объекта исследования (в нашем случае — «Возражения, или Разорения» патриарха Никона). Метод интроспективного анализа предусматривает выявление значения и употребления, а дефиниционного анализа — сопоставления значения лексических единиц, в частности, авторитетных текстов, подтверждающих традиционализм патриарха.

Материал исследования состоит из текстовых репрезентаций 4112 единиц авторского текста и представляет собой результат выборки трех источников: наибольшей по объему была сплошная выборка библейских цитат (2653); во-вторых, на Святых отцев-каппадокийцев — 490 (из них 417 — с «Нравственными правилами» Василия Великого (80 правил, 233 главы); в-третьих, с Кормчей (300).

Авторитетные тексты выступают для патриарха Никона как коды системы ортодокс-славянской картины мира, посредством которых он актуализирует собственные богословские построения. Такая методика работы с текстами-предшественниками наиболее близка к концепции интертекста, которая восходит к работам М. М. Бахтина и Ю. Кристевой [2]. Согласно этой концепции, всякий текст выступает как интертекст, и в основе каждого отдельного произведения — не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма общих кодов и систем, т.е. безграничный и бесконечный текст. Интертекстуальность в таком понимании сводится к маркированной интертекстуальности. Для описания любого текста важно выяснить закономерности его отношения к текстам-предшественникам, сходство с традицией и оригинальное ее продолжение.

У патриарха Никона цитаты Священного Писания обозначаются по зачалам, следовательно, необходимо было установить границы цитируемого текста внутри зачала (глава и стих), поэтому каждая цитата сверялась с первоисточниками, в качестве которых были использованы Евангелие и Апостол. В тексте нами выявлено 545 цитат без указания текста источника, посредством семантико-когнитивного анализа источник восстановлен. Выявлено 16 случаев контаминаций. Контаминация — возникновение нового выражения или формы путем объединения элементов двух выражений или форм, чем-нибудь сходных; построение слова, фразеологического оборота или предложения путем соединения частей двух слов (оборотов или разных синтаксических конструкций).

Интертекстуальные единицы образуют общую категорию средств межтекстового взаимодействия, центральными членами которой служат цитаты, основные признаки которых выделила филолог Т. В. Литвиненко: точность воспроизведения элемента претекста; сохранение семиотического тождества с воспроизводимым элементом; обособленность на фоне принимающего текста; наличие информации об авторе и/или источнике заимствования; способность функционировать как отсылка к претексту. По ее мнению, интертекст есть мультиреферентное образование, т.е. текст, содержащий моно- и полиреферентные заимствования, складывающиеся в его внутренней структуре в разноуровневые цитатные комплексы [3, с. 7]. Референтами смыслов и знаков интертекста служат конкретные и обобщенные претексты различного охвата, восходящие к определенным жанрам и дискурсам. В широких совокупностях референтных текстов может быть выделено основное ядро, играющее роль доминантного претекста. В «Возражении, или Разорении» доминантным претекстом выступает Священное Писание, тексты которого верифицируются достоверно. Фактом, подтверждающим наличие референтной связи с претекстом, служит его упоминание/цитирование в совокупном макротексте адресата. Выделенные нами маркированные цитаты подразумевают точное указание на библейскую книгу патриархом Никоном в пометах на полях. Чаще всего маркированные цитаты занимают сильные позиции начала или конца текста. Прототипом данной категории было предложено считать цитату, обладающую пятью ядерными признаками своего класса. К ним относятся: 1) точность воспроизведения заимствуемого элемента; 2) знаковая идентичность заимствуемому элементу; 3) выделенность на фоне текста-реципиента; 4) наличие сведений об авторе и/или источнике включения; 5) способность функционировать как отсылка к претексту. Возможность соединения в одном интертексте моно- и полиреферентных цитат, единичных заимствований и разноуровневых цитатных комплексов позволяет определить его как мультиреферентный текст. Такой текст представляет собой понятийно-знаковый синтез — результат эволюции смыслов и способов их вербальной репрезентации, аккумулированных лингво-когнитивным сообществом. И, одновременно, воспроизведенный коммуникантом (патриархом Никоном в данном случае) концепт, переданный им средствами национального языка как превращенными прецедентными знаками.

Референтами смыслов и знаков интертекста выступают конкретные и обобщенные претексты разной степени иерархичности и сложности, восходящие к любым речевым жанрам и дискурсам. В референтных текстах может быть выделено основное ядро, играющее роль доминантного претекста. Оно включает наиболее важные и достоверно верифицируемые источники, цитаты из которых объективируются в виде ключевых слов интертекста. Цитаты — ключевые слова реализуют в интертексте двойную текстообразующую функцию: они привносят и соединяют в его содержательном пространстве сумму референтных смыслов претекстов, тем самым создавая связность и цельность самого включающего их интертекста.

Наибольший интерес в данном контексте представляют немаркированные цитаты, основанные либо на пересказе библейского текста, либо на указании персонажа библейской истории.

Представлена оригинальная авторская концепция исследования системы взглядов церковного деятеля через совмещение исторических методик (контент-анализ, историко-системный и историко-сравнительный анализ) с методологическими приемами лингвокультурологии, лингвистической концептологии и семиотики (герменевтический и историко-семиотический методы, семантико-когнитивный и дискурсный анализ). Первоначально был применен метод анализа, с целью вычленения рассуждений, имеющих отношение к историко-канонической составляющей воззрений патриарха Никона. Отобранные таким образом тексты систематизировались, после чего, с использованием метода синтеза, были реконструированы основные положения историко-канонических и богословских взглядов патриарха Никона. Материал исследования сложился из текстовых репрезентаций 4112 единиц авторского текста и представляет собой результат выборки трех источников: наибольшей по объему была сплошная

выборка библейских цитат (2653); во-вторых, цитат из произведений Святых отцев-каппадокийцев — 490 (из них 417 — сопоставлены с «Нравственными правилами» Василия Великого (80 правил, 233 главы); в-третьих, с выдержками из Кормчей 1653 г. (300).

Следующей составляющей авторитетных текстов-источников «Возражения, или Разорения» стали «Правила» Василия Великого, архиепископа Кесарийского (330—379). С сочинениями Василия Великого древнерусский читатель впервые мог познакомиться по Изборникам 1073 и 1076 гг., они составляли ядро традиционной книжности наряду с сочинениями Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Никона Черногорца. В «Поучении» Владимира Мономаха встречаются цитаты поучений Василия Великого [4, с. 456-475 ; 538—542]. Произведения Василия Великого переписывали прп. Максим Грек, старец Артемий и др. Учение Василия о монашестве и его Житие стали главными источниками «Жития Сергия Радонежского», книжник XVII в. Сергей Шелонин при составлении службы на перенесение мощей свт. Митрополита Филиппа использовал «Шесть слов о священстве» Иоанна Златоуста, построенных в форме диалога между святителями Василием Великим и Иоанном Златоустом [5, с. 349]. Стефан Вонифатьев рекомендовал в качестве образца поэтической речи проповеди свт. Василия Великого [6, с. 475]. По нашим подсчетам в «Возражении, или Разорении» 417 заимствований из нравственных правил свт. Василия Великого. В некоторых случаях тематическая группа цитат следует без наименования правила и отсутствует первая цитата-выписка из Нового Завета, не называя того или иного правила Василия Великого, патриарх Никон пользовался ими (судя по подстрочным примечаниям), цитируя из разных источников, прежде всего, из «Кормчей» (Л. 173 об. «Возражения»; Л. 61, 62 об «Нравственных правил»).

На наш взгляд, именно недостаточное внимание историков к реконструкции и исследованию воззрений патриарха Никона приводит к необходимости изучения его методов работы с источниками, концептуальной и авторской модели мира, трансляции культурно-семиотических ориентиров царю и государственной власти в целом, церковной элите и прицерковному кругу. В этом ключе нам видится перспектива исследования проблемы личности и воззрений патриарха Никона в отечественной историографии.

Изучение структурообразующих элементов воззрений патриарха Никона стало возможным благодаря обращению к сущностной стороне вопроса — анализу его текстов, а не только к факту сфабрикованного «дела» и суда над патриархом Никоном. Тем более что в «Возражении, или Разорении» патриарх Никон детально опроверг все предъявленные обвинения и указал на последствия расколотворческих деяний светской власти для общества, государства и Русской православной церкви.

Идейное наследие патриарха Никона имеет ярко выраженные каппадокийские корни, это выражается, в первую очередь, в цитировании свт. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста в тексте «Возражения, или Разорения» и использовании их приемов и методов аргументации. Метод работы патриарха Никона с текстом первоисточника можно охарактеризовать как реконструктивную интертекстуальность, т.е. авторскую творческую реакцию на чужой литературный материал. Данный прием наиболее типичен для работы книжника, который осознает себя сакральным носителем Божественной истины. Таким образом, чужой текст является субсистемой системы историко-канонических и богословских воззрений патриарха Никона.

Благодаря комплексному поуровневому анализу интертекстуальных (библейских) включений в произведениях патриарха Никона, мы пришли к выводу, что особенность его интерпретации обусловлена православными социокультурными ценностями (стяжанием Горнего мира), находящими субъективное отражение в концептуальной системе Никона-мыслителя. Апологетическая парадигма, основанная на теории православной антропологии, которая означает первичность христоцентричной модели по отношению к антропо- социо- центричным и прочим моделям, разработала адекватный подход к изучению теоретического и эпистолярного наследия патриарха Никона, что позволило реконструировать реальные исторически обоснованные воззрения и деяния патриарха.

Библиографический список

1. Возражение, или Разорение смиренного Никона, Божиею милостию патриарха, противо вопросов боярина С. Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисеовы // РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 20. Ч. 7 ; Д. 22, 23, 26, 68, 69, 75, 134, 140. Ч. 1—9 ; Д. 140а, 140б, 530, 531. Ф. 153. Оп. 1. Д. 15—20 ; 22—45.

2. Kristeva, J. Desire in language : A semiotic approach to lit. a. art / By Julia Kristeva ; Ed. by Leon S. Roudiez ; Transl. by Thomas Gora [et al.]. New York : Columbia univ. press, Cop., 1980. Vol. XI, 305 p.

3. Литвиненко, Т. Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Е. Литвиненко. — Иркутск, 2008. — С. 7.

4. Поучение Владимира Мономаха. В 20 т. / Подготовка текста О. В. Творогова ; коммент. Д. С. Лихачева // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб. : Наука, 2000. — Т. 1 (XI—XII века). — 685 с.

5. Сапожникова, О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина / О. С. Сапожникова // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; ред. С. А. Семячко. — СПб. : Дмитрий Буланин (ДБ), 2001. — С. 349.

6. Румянцева, В. С. Стефан Внифантьев и кружок ревнителей благочестия / В. С. Румянцева // Исторический лексикон. XVII век: Энциклопедический справочник. — М. : Знание, ВЛАДОС, 1998. — С. 475.

ВОРОБЬЕВА Наталия Владимировна, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор, заведующая кафедрой истории и философии.
Адрес для переписки: nat.vorobiova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.03.2015 г.

© Н. В. Воробьева

УДК 9(57)+93/99(093)+323(57)

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный
педагогический университет

МАТЕРИАЛЫ «УСТНОЙ ИСТОРИИ» КАК ИСТОЧНИК К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ 1985—2000 гг.

В рамках представленной статьи, на основе собственного опыта, а также теоретических и практических разработок С. О. Шмидта и Т. К. Шеголовой автор предпринял попытку выявления материалов, относимых к «устной истории». Данные материалы характеризуются как источник к изучению общественно-политических процессов в современной Сибири, одновременно в работе даются характеристики влияния методик «устной истории» на формирование сознания в современном российском обществе.

Ключевые слова: «устная история», «Гарвардский проект», формирование сознания, исторический источник, политическая жизнь Сибири.

Вопрос об использовании данных, полученных посредством сбора материалов, так называемой «устной истории», эпизодически становится темой дискуссий. Между тем сам термин «устная история» крайне расплывчат.

Решая задачу определения материалов «устной истории», целесообразно привести варианты объяснения термина «устная история», предложенные известным историком С. О. Шмидтом:

— научная дисциплина, в рамках которой с помощью интервью производится фиксация субъективного знания отдельной личности о прошлом;

— практика научно организованного сбора устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированная специалистами;

— записанные на магнитофонную плёнку воспоминания людей о своей жизни и событиях прошлого, свидетелями которых они были.

При этом исследователь указывает, что дореволюционные российские историки и писатели, в частности, И. И. Голиков, В. Н. Татищев, А. С. Пушкин, Н. И. Надеждин, В. О. Ключевский, П. И. Бартенев прибегали к устным источникам (былинам, песням и другим фольклорным произведениям). Так, благодаря собранным в Поволжье и Оренбуржье устным воспоминаниям А. С. Пушкин написал свой единственный научный исторический труд — «Историю Пугачевского бунта».

Сам термин «устная история» появился еще в 1838 г. в кругах западных интеллектуалов. Становление «устной истории» как научной дисциплины связывают с деятельностью американцев: историка Алана Невинса и журналиста Джо Гулда. Первый ввёл в научный оборот термин «устная история» и стал инициатором создания базы устных воспоминаний политических деятелей США, второй объявил в 1942 г. о проекте по написанию книги «Устная история нашего времени», предполагающего составить ее из записей рассказов разных людей. Проект не был реализован, но сама его идея вызвала значительный резонанс. После войны «устная история» получила статус научной дисциплины. В настоящее время в США, Канаде, Австралии и Бразилии издается около десятка журналов по «устной истории».

По мнению С. О. Шмидта, развитие зарубежных исследований в рамках «устной истории» можно разделить на три периода. С 1948 г. — до середины 1960-х гг. проводилась пропаганда «устной истории» как дисциплины. Сформировались её направления: политическая биография, социальная история, «фабрикация» истории бесписьменными сообществами.

Методики «устной истории» использовались госдепартаментом США. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. был осуществлен «Гарвардский проект» — политико-социологическое исследование, в рамках которого было опрошено около 2 тыс. советских граждан в американской зоне оккупации Германии. С 1 тыс. из них провели еще и углубленное интервью. Так, устные ответы об обстановке в СССР дополнили данные американской разведки.

Было бы ошибочным не указать на тот факт, что подобные проекты действует на постсоветском пространстве, включая Сибирь. Например, международный проект «Этничность, конфликт и согласие», организаторами которого выступили Центр по изучению и урегулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН и директорат MOST (Management of Social Transformations), ЮНЕСКО. В его рамках были опубликованы и использованы автором данной статьи в научных исследованиях работы его сотрудников [1, с. 297, 298, 300]. Например, книга И. Лоткина — «Омская область. Модель этнологического мониторинга» [2]. К обозначенному в заглавии статьи периоду относится деятельность в Сибири сотрудников Московского центра Карнеги, Международного института гуманитарно-политических исследований, чьи сотрудники путём анкетирования и интервьюирования составляли помесячные обзоры развития общественно-политической ситуации в регионах РФ. При этом можно констатировать факт привлечения подобных обзоров в качестве источника к изучению новейшей/текущей истории Сибири.

Следовательно, точку зрения С. О. Шмидта о периодизации становления «устной истории» можно дополнить мнением о том, что различные периоды в развитии «устной истории» применительно к Западу в текущей ситуации относительно РФ скорее следует рассматривать как параллельно реализуемые

направления. Вопрос целесообразности допуска проектов с иностранным участием к работе на территории РФ в статье не рассматривается.

На втором этапе, с конца 1960-х — до середины 1970-х гг., на Западе на первый план в «устной истории» выдвигаются исследования маргинальной среды, «людей с обочины». В рамках реализации указанного направления в РФ на место таких источников «устной истории», как былины, песни и другие фольклорные произведения, пришел блатной шансон, словари уголовного жаргона. Популяризация не признанных в советский период общественных деятелей, писателей и поэтов проводилась посредством привлечения материалов «устной истории». Их сбор в ряде случаев представлял интервьюирование или анкетирование очевидцев событий и публикацию материалов знакомых и друзей «возвращенной в историю» персоны. Приведу примеры. Первый — учитель истории средней школы рассказала автору данной статьи, как на уроке в 8-м классе при рассказе о движении отряда служивых людей и восставших крестьян во главе с Истомой Пашковым от Кромы на Москву через Калугу услышала вежливое исправление ученика, которое звучало примерно следующим образом: «Вы ошибаетесь. В народной песне поётся — Владимирский централ, ветер северный. Этапом из Твери...». Второй пример связан со сбором материалов о жизни и творчестве омского поэта А. Кутилова, обозначенного «горячими головами» не менее как «Пушкин периода социализма». Разбор примеров можно продолжить.

Третий, нынешний этап (или направление) развития «устной истории», начался с конца 1970-х гг. Отличается накоплением методологического багажа, теоретических разработок в области «устной истории» и созданием многочисленных «устных архивов». Среди зарубежных исследователей, получивших известность на ниве «устной истории», можно назвать П. Томпсона (Великобритания), Ф. Жутара и Д. Берто (Франция), Р. Грила и Ч. Моррисей (США), Л. Нитхаммера и А. фон Плато (Германия), С. Лейдесдорфа и Я. Талсма (Нидерланды), Л. Пассерини и А. Портелли (Италия), М. Виланову (Испания), Э. Мейера (Мексика), Чанг Е. (Китай).

Применительно к нашей стране необходимо отметить, что материалы создаваемых «устных архивов» активно использовались в конце 1980-х — 1990-е гг. при обращении к проблемам, связанным, например, с изучением коллективизации. Их выдвижение на первый план позволило отказаться как от сравнительного анализа развития относительно СССР в 20—30-гг. XX в. аграрного сектора в США и Германии. Не были изучены проблемы, связанные с модернизацией вообще и укрупнением сельхозпроизводителей и поселений, оттоком населения в города в частности. Этот подход дал возможность продвигать идею уничтожения крестьянства, автоматического записывания сельскохозяйственных или промышленных рабочих в «рабы системы» и выдавать сокращение количества деревень за гибель соответствующего количества населения. Проблема была переведена в политическую и производственную сферу. Следствие — свёртывание товарного сельхозпроизводства и попытка создания фермерских хозяйств в РФ, а также новомодная идея «родового поместья», живущего натуральным хозяйством, но обладающего продуктивностью, достаточной для роста уровня жизни селян и снабжения, городов продукцией. Это при росте продовольственной зависимости от зарубежья.

Однако от использования методик «устной истории» по отношению к нашему государству, как объекту влияния, вернёмся к истории её становления. В Советском Союзе одним из первых серьезных устных историков являлся ученый-филолог из Московского государственного университета Виктор Дувакин. Он собирал воспоминания, беседуя с людьми, знавшими поэта В. В. Маяковского. Впоследствии тематика записей значительно расширилась: исследователь записал на магнитную пленку беседы с 850 респондентами, деятелями науки, литературы и искусства. В 1991 г. на основе его коллекции в структуре научной библиотеки МГУ создали раздел «устной истории» [3].

Нельзя не отметить, что в период после 1991 г., при изучении новейшей истории Сибири, исследователи заявляли об использовании «эмпирических методов исследования» при работе над диссертациями. К обозначенным методам они относили: наблюдение, анкетное исследование, опрос населения, беседу, интервью. Однако «эмпирический метод» или, по крайней мере, указание на него в авторефератах диссертаций исчезает в середине 2000-х гг. Примером могут служить исследования И. В. Новиковой (2004 г.) и А. Б. Коновалова (2006 г.). В первом наличествует указание на «эмпирические формы» исследования, во втором указывается на использование «метода интервью», но уже без упоминаний об «эмпирических» методах и формах [4, 5].

Исследователи «устной истории» указывают, что наиболее приемлемым и эффективным методом сбора исторической информации является опрос двух видов: анкетирование (письменная форма общения с респондентом) и интервьюирование (устная форма). Перед опросом необходимо подготовить вопросники, которые станут той конкретной программой, с которой будут обращаться к очевидцам и участникам исторических событий.

Обязательным условием является оформление паспортички (основных сведений об опрашиваемом). Сбор сведений об интервьюированном является обязательным условием научной записи. Паспортичка содержит следующие разделы: Ф. И. О.; год рождения; место рождения; профессия; где и в каком качестве работал или работает (если на пенсии, то с какого времени); адрес.

При оформлении устного исторического источника исследователем необходимо выполнять следующие условия:

— в случае ручной записи интервью/воспоминание записывается непосредственно вслед за рассказом дословно, без пропуска отдельных слов и фраз и излагается от первого, а не от третьего лица. Следует точно воспроизводить выражения опрашиваемого. Целесообразно использовать поля справа для своих заметок: «затрудняется с ответом», «нервничает» и т. д. Желательно записывать не только все ответы респондента, но вопросы и замечания интервьюера;

— запоминание и перенесение рассказа позже на бумагу категорически запрещается. Так как информация преломится через сознание интервьюера и будет искажена;

— недопустимо собственное редактирование текста, даже если речь кажется безграмотной. Запись должна отражать тот словарный запас, которым обладает рассказчик. Значение непонятных слов выясняют в ходе беседы и фиксируют их объяснения в интерпретации рассказчика;

— черновая запись осуществляется на одной стороне листа, слева оставляются поля. Обратная

сторона поля используется для дополнений рассказчика, если он возвращается к этому событию, для уточнения непонятного, для своих замечаний;

— чистовой вариант рассказа оформляется вручную или на компьютере, на развернутом листе бумаги с одной стороны с соблюдением полей 2,5—3 см слева для сшивания листов. Чтобы документ был хорошо читаем, необходимо записывать самостоятельные сюжеты с красной строки;

— правильно оформленный текст дается на прочтение интервьюированному. После ознакомления с ним респондент, если не имеет больших замечаний и уточнений, ставит свою подпись, которая может быть заверена печатью государственного учреждения [6].

В отличие от интервьюирования, в анкетировании качество работы больше зависит от правильного оформления анкеты и формулировки вопросов. Составление анкеты является непростым делом и требует основательного знания сути исторических явлений и техники опроса. Составление анкеты определяется как авторская работа. Респондент заполняет анкету самостоятельно или анкетер записывает ответы под диктовку. Можно применять письменное, почтовое анкетирование, этот способ пригоден для опроса людей, проживающих не только в крае, но и за его пределами.

Главное в создании устно-исторических архивов — правильно документировать их материалы. Небесспорен вопрос о том, что должно стать результатом работы по сбору устных свидетельств. Формирование информационных банков (устные архивы) при учебных заведениях, учащиеся которых были привлечены к сбору материалов, или создание фондов в государственных/муниципальных архивах. Первое может казаться правильным. Но опыт функционирования вузовских музеев, кафедральных лабораторий указывает на то, что зачастую, в связи со сложившимися финансовыми сложностями, юридическими коллизиями, личными обстоятельствами, сохранение результатов работы исследователя ставится под сомнение ещё при жизни последнего. Что касается посмертной судьбы документов, того или иного исследователя, то она плачевна даже при передаче материалов в музей или архив в связи с влиянием на процесс субъективных факторов.

Для исследователей, занимающихся текущей/новейшей историей, материалы «устной истории» являются не только ценным источником новых знаний о недавнем прошлом, но и открывает новые перспективы интерпретации известных событий. Материалы, полученные от политиков и их сподвижников, крупных бизнесменов и представителей культурной элиты, позволяют открыть подноготную произошедших событий, раскрывают механизмы и мотивы принятия решений, персональное участие информанта в исторических процессах.

В таком случае перед исследователем стоит вопрос, какие материалы следует рассматривать как свидетельства «устной истории»?

На наш взгляд, учитывая сложность правильного сбора, оформления и хранения, к материалам «устной истории» можно отнести:

— собранные и опубликованные или размещённые в сети Internet материалы международных центров, чьи сотрудники путём анкетирования/интервьюирования создали, быть может, специфические источники, относимые нами к «устной истории» [7];

— опубликованные интервью [8];

— вышедшие отдельными книгами, брошюрами «воспоминания», «размышления» и т.п., политических и иных деятелей современности [9];

— собранные по всем правилам и переданные на хранение в архивы анкеты/интервью [10].

Необходимо отметить, что материалов подобного рода огромное количество. Работа по их сбору и обработке ведётся архивистами Омска, Томска, Барнаула, открывающими «личные фонды» в государственных архивах, работниками библиотек, ведущими биобиблиографические описания и, наконец, исследователями, обобщающими и публикующими материалы «устной истории».

Однако в качестве иллюстрации приведу откровения в прошлом губернатора Омской области Л. К. Полежаева о сборе в 1993 г. членами его команды подписей в поддержку депутата О. Н. Смолина, выдвинувшего свою кандидатуру в Совет Федерации [9, с. 92]. Данное опубликованное утверждение относящий себя к левому спектру политический долгожитель О. Н. Смолин никогда не комментировал. Интересен пример, описанный исследователем СМИ И. В. Новиковой, проведшей сбор материала редакционных коллективов о состоянии омской печати: «...газета «Омский вестник», учреждённая в 1991 г. Нельзя обойти вниманием тот факт, что на территории исторической Омской области с 1909 по 1917 гг. выходило изданием с одноимённым названием и современный редакционный коллектив считает учреждение газеты «Омский вестник» воссозданием. В редакции «Омского вестника» посетителям не без трепета рассказывают историю о закрытии «Омского вестника» большевиками и о его редакторе, иммигрировавшем в США и ставшем крупным писателем. Однако это всего лишь легенда, к тому же звучащая в унисон со временем. По мнению омских историков советского периода, «Омский вестник» ряд лет контролировался социал-демократами. Российский исследователь В. В. Воробьёв относит его к оппозиционному и либеральному изданию. Хорошо известна и судьба редактора — крупного советского писателя Ф. А. Березовского (возглавлявшего в своё время газету и умершего в Москве в 1952 г.), персонального пенсионера союзного значения и автора книг, увлекательно раскрывающих всю палитру социально-экономического и политического развития Сибири» [11, с. 24]. Впрочем, возможно речь шла о другом сибирском писателе — Г. Д. Гребенщикове, действительно покинувшем Советскую Россию в 1920 г., жившем в США с 1924-го и умершем там в 1964 г. Без сомнения, автор книг о Сибири и людях её населяющих Г. Д. Гребенщиков, как и Ф. А. Березовский, был талантливым писателем. Вот только газету «Омский вестник» он никогда не возглавлял. Он, действительно, основал существовавшую около полугода в Омске газету «Омское слово». Что происходило с интервьюированными членами редакции современного «Омского вестника», остаётся загадкой. Ошибались или вводили в заблуждение? Впрочем, позиция налицо: не хотели журналисты 1990-х помнить в качестве редактора члена РСДРП (б).

Какова же, в таком случае, роль данных материалов, как исторического источника? Несогласованности и конфликты среди индивидуальных интервью и между интервью и другим свидетельствами указывают на неотъемлемо субъективную природу «устной истории». Это одна из причин, по которой материалы «устной истории» — непростой материал для анализа.

Историку следует учитывать, что если информант/респондент и являлся участником событий, то это совершенно не значит, что он способен дать характеристики событию и его участникам с точки зрения исторической реконструкции. При анализе материалов «устной истории» первое, на что надо обратить внимание, это на его надежность и актуальность/достоверность материалов, также необходимо учитывать личную заинтересованность респондента в интерпретации событий тем или иным образом. Достоверность материалов «устной истории» должна подтверждаться путём сопоставления с другими рассказами, а также документальными свидетельствами.

Таким образом, можно констатировать, что использование материалов «устной истории», как источника по новейшей истории, значительно, но его использование лимитировано субъективностью. В то же время в сочетании с другими источниками расширяет картину исторических событий, внося в нее личностный оттенок.

Библиографический список

1. Новиков, С. В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимовлияния. 1988—1996 гг. : моногр. / С. В. Новиков. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2002. — 408 с.

2. Лоткин, И. Омская область. Модель этнологического мониторинга. — М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1998. — 104 с.

3. Шмидт, С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России / С. О. Шмидт // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского : тез. докл. и сообщений, 27 января — 1 февраля 1991 г., г. Москва. — М., 1991. — С. 259—267.

4. Новикова, И. В. Взаимодействие органов государственной, муниципальной властей Омской области с печатными СМИ региона (1989—2003 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Новикова. — Омск, 2004. — 23 с.

5. Коновалов, А. Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП (б)-КПСС в регионах Сибири (1945—1991) : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / А. Б. Коновалов. — Кемерово, 2006. — 54 с.

6. Шеголова, Т. К. Методика сбора устных исторических источников : метод. пособие / Т. К. Шеголова. — Изд. 3-е, испр. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006. — Вып. 3. — 22 с.

7. Барабанов, О. Н. Алтайский край [Электронный ресурс] / О. Н. Барабанов ; Моск. центр Карнеги. — Режим доступа : http://pubs.carnegic.ru/ elections/ president2000/ book/ default. asp? n=15 barabanov.asp (дата обращения: 10.05.2014).

8. Ткаченко, Г. Кто Вы, Алексей Мананников? (восемь бесед с сенатором) / Г. Ткаченко. — Новосибирск, 1995. — 150 с.

9. Полежаев, Л. К. Перестройка, годы, лица... Портреты и размышления / Л. К. Полежаев. — М. : Закрытый клуб, 1996. — 207 с.

10. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 9618 Оп. 1. Д. 536 (С. В. Новиков [и др.]. Материалы к биографиям А. В. Кулинича, С. Н. Бабурина, А. В. Минжуренко, М. И. Машкарина, О. Н. Смолина, В. А. Варнавского).

11. Новикова, И. В. Влияние печатных СМИ на результаты избирательных кампаний федерального уровня. Омское Прииртышье (1992—2003 гг.) : моногр. / И. В. Новикова, В. С. Новиков, С. В. Новиков ; под ред. С. В. Новикова. — Омск : ООО ИПЦ «Сфера». — 306 с.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой управления развитием образования.
Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 19.05.2014 г.

© С. В. Новиков

Книжная полка

Дюпюи, Р. Э. Война. Полная энциклопедия. Все битвы, сражения и военные кампании мировой истории / Р. Э. Дюпюи, Т. Н. Дюпюи ; пер. А. Н. Анваер, Е. А. Кац ; ред. Е. В. Колчанова. — М. : Центрполиграф, 2015. — 1183 с. — ISBN 978-5-227-06272-7.

Энциклопедия Ричарда Эрнеста и Тревора Невитта Дюпюи — всеобъемлющее справочное издание, отображающее эволюцию военного искусства от античности до наших дней. В одном томе собран и систематизирован богатейший материал: колоссальный объем архивных документов, редкие карты, сводки статистических данных, выдержки из научных трудов и детальные описания величайших сражений. Для удобства пользования энциклопедией история человечества условно разделена на двадцать две главы, каждая из которых посвящена временному периоду с 4-го тысячелетия до нашей эры до конца XX века. Очерки, предваряющие главы, содержат сведения о принципах тактики и стратегии того или иного периода, особенностях вооружения, развитии военно-теоретической мысли и выдающихся военачальниках эпохи. Энциклопедия содержит два указателя: упомянутых в тексте имен, а также войн и значимых вооруженных конфликтов. Все это поможет читателю воссоздать и воспринять историческое полотно в целом, разобраться в причинах той или иной войны, проследить ее течение и оценить действия полководцев. Мемуары содержат много интересных наблюдений над русской дипломатической жизнью, рисуют живые портреты советских вождей и сановников, а также всего «политического климата» советской жизни в конце двадцатых, в начале тридцатых годов. Особенно интересны приводимые автором эпизоды из жизни Сталина, воспоминания об отношениях Сталина с Троцким, характеристика министра иностранных дел Советской России Литвинова.

УДК 655.4/5+027.2

Е. А. БАЗЫЛЕВА

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

КАВКАЗСКИЙ ОТДЕЛ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО БИБЛИОТЕКА

Статья посвящена вопросам издательской практики КОИРГО, а также истории создания и функционирования его библиотеки в дореволюционный период. Впервые становление и развитие деятельности КОИРГО и его библиотеки рассмотрены на делопроизводственных материалах, с учетом сведений, содержащихся в научных трудах, отражающих научные представления прошлого; проанализированы источники книговедческого характера. Освещен процесс выпуска периодических и продолжающихся изданий КОИРГО. Отмечается, что деятельность КОИРГО и его библиотека внесли определенный вклад в развитие отечественной книжной культуры.

Ключевые слова: Кавказский отдел Императорского Русского географического общества, издательская деятельность, распространение изданий, книгообмен, библиотека, книжная культура.

Положение о Кавказском отделе Императорского Русского географического общества (КОИРГО) было утверждено 27 июля 1850 г. Торжественное открытие отдела состоялось 10 марта 1851 г. в Тифлисе (официальное название г. Тбилиси в 1845—1936 гг.). Согласно Положению деятельность КОИРГО была направлена на изучение Кавказа и сопредельных с ним стран в географическом, этнографическом и статистическом отношениях. Отделу была выделена ежегодная государственная субсидия в размере 2000 р. Активное участие в организации КОИРГО принял наместник на Кавказе князь М. С. Воронцов. Проект Устава Кавказского отдела ИРГО был подготовлен Н. И. Надеждиным и А. В. Головниным.

Первым председателем стал Н. И. Вольф, помощником — Н. В. Ханыков, правителем дел — А. А. Уманец. Членами распорядительного комитета были избраны И. А. Бартоломей, князь Г. Г. Гагарин, А. П. Максимович, В. Н. Семенов. Необходимо отметить, что рост численности отдела шел стремительно: к концу первого года насчитывалось 80 действительных членов, второго — 121, третьего — 152 [1, с. 4]. И это вполне объяснимо тем, что первое время Кавказский отдел вызывал всеобщий интерес как новое начинание и первый периферийный филиал ИРГО, привлекал к своей деятельности большое число ученых, достаточно значительными были и средства отдела. Положительным результатом стало издание в 1852 г. первой книги «Записок», однако в ней были преимущественно помещены случайно собранные статьи, написанные не по инициативе отдела. «Записки» КОИРГО печатались до 1916 г. Всего вышло 30 книг (69 выпусков).

Начавшаяся Крымская война (1853—1856) отрицательно повлияла на работу отдела: в связи с отъездом многих сотрудников научные исследования замедлились. В начале 60-х гг. XIX в. стало явно наблюдаться оскудение средств отдела, что было связано с непомерно обширными задачами, возложенными на отдел, с нерегулярным поступлением членских взносов и пр. Было очевидно, что имевшая место ранее столь широкая деятельность (отдел даже оказывал материальную помощь некоторым путешественникам) была не по средствам. КОИРГО был вынужден отказаться от своего помещения, музея, а библиотека была передана на хранение в Главный штаб Кавказской армии. Такие меры были направлены на сохранение денежных средств для усиления научно-издательской деятельности [2, с. VII]. За неимением значительных средств было решено сосредоточиться на разработке имеющегося научного материала (новые данные предполагалось получать за счет присоединения своих сотрудников к экспедициям, проводимым другими учреждениями), и популяризации географических сведений путем их опубликования.

Вышеприведенные меры оказали положительное действие на качество трудов отдела. Как отмечали современники, издания Кавказского отдела были едва ли не лучшими источниками в отечественной литературе по изучению Закаспийского края [2, с. XII]. Начиная с шестой книги «Записки» (1864) становятся заметно богаче по внутреннему содержанию, солиднее по объему и оформлению, снабжаются роскошными приложениями. Вошедший в них научный материал уже не случаен, как это имело место ранее, а запланированный по инициативе отдела. В первую очередь, это было связано с деятельностью Д. И. Коваленского, правителя дел и редактора шестой, седьмой и восьмой книг. Эти три книги «Записок» были превосходно отредактированы и представляли собой не просто сборники трудов, а географические журналы, с разделением в них материала по разделам: «Летопись отдела», «Исследования и материалы», «Критика и библиография», «Смесь».

Ослабление деятельности КОИРГО в 60—70-х гг. XIX в. в некоторой степени связано и с тем, что

именно в этот период в крае открывается ряд новых учреждений — Кавказский статистический комитет, Кавказский музей, Кавказская археографическая комиссия, Общество любителей Кавказской археологии и др. Многие сотрудники отдела начинают активно сотрудничать с этими учреждениями. Несмотря на это, отдел продолжал проводить собственные изыскания, а в 1869 и 1870 г. осуществил обширную экспедицию в Туркмению при участии Ф. Г. фон Кошкуля, Я. Д. Маламы, Г. И. Радде, И. И. Стебницкого, результаты которой напечатаны в восьмой книге «Записок».

С 1872 г. КОИРГО начинает выпускать второй печатный орган — «Известия», целью которого было информирование о текущих новостях по географии, этнографии и статистике Кавказа. В его задачи также входило быть как бы «органом общения» между отделом и обществом. Журнал выходил небольшими выпусками по несколько раз в год. С 1872—1917 гг. было напечатано 25 томов (всего 72 номера) «Известий». В качестве приложений к «Известиям» выходил «Ежемесячный сейсмический бюллетень», который составлялся согласно наблюдениям Тифлисской Физической обсерватории.

С избранием правителем дел в 1875 г. Н. И. Воронова наблюдалась некоторая активность в работе отдела. В этом же году отделу исполнилось 25 лет. По этому случаю вышел в свет юбилейный сборник. Значительное оживление в деятельности отдела произошло с 1877 г. во время правления Л. П. Загурского. В этот период отдел увеличил свои средства, привлек к сотрудничеству многих видных ученых из различных отраслей знания, и что самое главное — еще больше расширил свою научно-издательскую практику. В 1879—1880 гг. сотрудники отдела Д. З. Бакрадзе, Е. Г. Вейденбаум и др. занимаются изучением вновь присоединенных Карской и Батумской областей. Подробные сведения об этих областях освещены в статьях Д. З. Бакрадзе «Заметка о Батумской области» и «Историческо-этнографический очерк Карской области», П. Ф. Степанова «Список высот, определенных барометрически в районе пограничной зоны (Батумской области)» и «Заметка о Карской области», опубликованных в шестом и седьмом томах «Известий». Однако в 1891 г., после смерти Л. П. Загурского, временно прекратилось издание «Известий» отдела.

Новый период активизации деятельности КОИРГО начался с 1900 г. Этому способствовало такое обстоятельство, как празднование 50-летнего юбилея отдела, во время которого многими российскими и иностранными научными обществами, учреждениями, а также рядом видных ученых были отмечены высокие заслуги отдела, его большая научная и краеведческая роль. В первую очередь, период с 1900—1917 гг. характеризуется значительной исследовательской работой в области географии, ботаники, зоологии, этнографии. Был осуществлен ряд экспедиций в высокогорные зоны для изучения ледников, проведения метеорологических наблюдений и пр. В это же время отдел принял участие в защите природы и добился охраны целого ряда памятников природы Кавказа, среди которых Пицундская сосновая роща и роща итальянской пинии в Артвинском округе, Лагодехская роща и роща Эльдарской сосны, тисовая роща на Шаопинской скале в Баталпашинском округе и заросли царственного папоротника близ Адлера [3, с. 96—98]. Проблемы охраны природы освещались на страницах трудов отдела. Так, четвертый выпуск двадцать девятой книги «Записок» был целиком посвящен одному из памятников природы Кавказа — Пицундской сосновой роще и находящемуся там Пицундскому монастырю. С 1911 г. в «Известиях» был выделен специальный раздел «Охрана природы на Кавказе».

Как упоминалось ранее, первая книга «Записок» вышла в 1852 г. под редакцией графа В. А. Соллогуба (объем 296 страниц). Количество статей, поступивших для публикации в «Записках» отдела, было столь велико, что часть материалов была передана для печати в редакции газет «Кавказ», «Закавказский вестник», «Кавказский календарь» и труды других учреждений [3, с. 93]. Издание 600 экземпляров первой книги и 300 экземпляров оттисков работы О. И. Ходзько «Свод наблюдений, произведенных в разных местах Кавказского и Закавказского края над солнечным затмением 16 (28) июля 1851 г.», помещенной в этой же книге, обошлось отделу в 864 р. 90 к. [1, с. 6].

Здесь необходимо указать, что 600 экземпляров — это обычный тираж для периодических изданий КОИРГО. Однако были и исключения, например, выпуск третий двадцать восьмой книги «Записок» (Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1913), где опубликована работа Д. И. Сосновского «Охрана памятников природы на Кавказе», вышел тиражом 1000 экземпляров, объемом 32 страницы. Тридцатая книга «Записок» (Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1913), изданная совместно с Кавказским военно-топографическим отделом, вышла тиражом 2050 экземпляров [4, с. 165], объемом 530 страниц. В тридцатой книге опубликован труд Д. Д. Пагирева «Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского военно-топографического отдела», в качестве приложения — «Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе», включающий 8000 названий на русском и иностранных языках, снабженный предметным указателем, и сборный лист пятиверстной карты Кавказа с прилегающими частями Турции и Персии (масштаб 60 верст).

В 1862 г. после выхода в свет пятой книги «Записок» распорядительный комитет отметил, что последние издания мало удовлетворяют своему назначению и по содержанию, и по времени выхода в свет. Согласно цели отдела — изучать Кавказ и распространять о нем сведения, «Записки», как его печатный орган, должны представлять как исследования и материалы, так и сведения о новых географических работах, указывать на источники, пособия и пр. Для такого подхода необходимо, чтобы «Записки» стали периодическим изданием (выходили как можно чаще, хотя и в меньшем объеме), тогда как последние книги были, скорее всего, сборниками статей (выходили время от времени, по мере накопления материала).

В разное время редакторами «Записок» были граф В. А. Соллогуб, А. А. Харитонов, Е. А. Вердеревский, М. К. Ломидзе, Н. Г. Берзенов, А. Т. Филадельфин, Л. П. Загурский, Д. И. Коваленский, М. А. Гамазов, А. Ф. Ляйстер и др. Редакторами «Известия» были в основном правители дел КОИРГО: Д. И. Коваленский, Н. И. Воронов, Л. П. Загурский, Е. Кондратенко, Д. Д. Пагирев. И только с 1914 г. редакцией «Известий» стал заниматься редактор изданий отдела, действительный член А. Ф. Ляйстер.

На заседании распорядительного комитета 30 марта 1910 г. было принято постановление об образовании редакционного комитета для рассмотрения поступающих в отдел рукописей, в состав

которого вошли: помощник председателя Н. О. Щеткин, правитель дел Д. Д. Пагирев, Е. Г. Вейденбаум, Ю. Н. Воронов, В. П. Казанцев, Р. Г. Шмитд. Первое заседание редакционного комитета состоялось 25 апреля, на котором был определен порядок его деятельности и распределены поступившие в отдел рукописи [5, с. 82–83]. На заседании 2 октября 1913 г. в целях более широкого распространения и улучшения постановки издательской деятельности комитетом были введены должности редактора изданий отдела — избран А. Ф. Ляйстер, и секретаря редакционного комитета — Г. Ф. Чурсин [4, с. 152, 167].

Помимо «Записок» и «Известий» КОИРГО печатал отчеты и обзоры о своей деятельности. В виде оттисков статей из периодических и продолжающихся изданий выходили протоколы общих собраний и журналы заседаний.

В числе самостоятельных изданий отдела был издан тиражом 600 экземпляров «Список изданий отдела, имеющихся в продаже» (Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1914), представляющий собой книготорговый каталог. Материал здесь сгруппирован в двух разделах — «Известия» и «Записки», а внутри разделов — по порядку томов. Библиографические записи содержали сведения о номере тома, времени издания и цене. Представлено содержание каждого тома. «Список...» был разослан во многие вузы и в крупные столичные и провинциальные книжные магазины. Благодаря принятым мерам, а также проходившему в Тифлисе XIII Съезду русских естествоиспытателей и врачей, продажа изданий, по сравнению с предыдущими годами, значительно увеличилась. Если в 1912 г. было продано изданий на сумму 127 р. 53 к., то в 1913 г. — на 265 р. 30 к., а в 1914 г. доход от продажи изданий — 327 р. 76 к.

Однако следует отметить, что продажа изданий КОИРГО не окупала их себестоимость. Несмотря на довольно высокие типографские расходы, преобладала «безденежная форма» распространения печатной продукции — путем книгообмена и безвозмездной рассылки. Но это вполне объяснимо, так как в задачи отдела входило доведение результатов проводимых исследований до широких кругов научной общественности, а не коммерческая выгода, и именно поэтому издания изначально были убыточными. Например, по смете 1905 г. доход КОИРГО от продажи изданий составил 77 р. 35 к., при этом на издание трудов было потрачено 2108 р. 84 к. «Записки» продавались по цене от 20 к. до 3 р. за книгу, «Известия» — от 40 к. до 2 р. 50 к. Необходимо указать, что книжная продукция КОИРГО пользовалась определенным спросом и к 1914 г. предназначенный для продажи тираж с 3-го по 9-й том «Известий» (1874–1886) был уже распродан.

Среди картографических работ отдела следует отметить «Карту Кавказского края», исправленную по последним на тот момент сведениям (масштаб 40 верст в дюйме), издана в 1868 г. и переиздана в 1872 г. с исправлениями. В 1879 г. вышел в свет «Атлас к десятой книге "Записок" Кавказского отдела ИРГО». Изначально этот атлас прилагался к работе инженера Х. В. Гельмана «Исследование прорывов реки Аму-Дарьи, образовавшихся во время ее разлива летом в 1878 г.», изданной в 1879 г. приложением к десятой книге «Записок». В атлас вошли: «Карта распределения воды в хивинском царстве по главным каналам до прорывов р. Аму-Дарьи», «Карта прорывов р. Аму-Дарьи, образовавшихся летом 1878 г.» и семь чертежей.

Как упоминалось выше, при КОИРГО действовала библиотека. Согласно § 3 Положения о Кавказском отделе, в его задачи входило учреждение «хранилища материалов и ученых пособий, относящихся к кругу его занятий, как-то: библиотеки сочинений, изданных о крае, депо местных карт...» [6, с. 22].

В 1852 г. — на втором году существования отдела, был снят дом, в котором и была размещена библиотека (здесь же находился музей и проходили собрания). После чего были приняты соответствующие меры к пополнению библиотеки, в особенности книгами и картами о Кавказе. Библиотека постоянно пополнялась за счет пожертвований членов общества, различных лиц и учреждений, покупки новых изданий. Основной фонд библиотеки составили книги, поступившие в дар от сотрудников КОИРГО. На начало 1853 г. в библиотеке насчитывалось всего книг и карт — 310, в том числе отдельных сочинений, атласов и карт — 179. Все издания были отражены в общем, систематическом и двух алфавитных каталогах [1, с. 7]. Библиотекарем в 1852 г. был Г. А. Токарев.

Списки необходимых для пополнения библиотеки книг составлялись на заседаниях Распорядительного комитета. Обо всех вновь поступающих в отдел книгах обязательно сообщалось на собраниях членов КОИРГО. В 1862 г. Распорядительный комитет постановил приобретать в библиотеку все вновь выходящие сочинения о Кавказе, его географии и истории, а также выписывать журналы «Nouvelles annales des voyages» и «Journal Asiatique» [7, с. 29].

На начало 1864 г. фонд библиотеки насчитывал 417 названий (1456 томов), из них книг и брошюр 382 названия (645 томов), периодических изданий 35 названий (811 томов). В том числе по географии — 108 названий (540 томов), по статистике — 22 (32), по естественным наукам — 24 (134), по истории и археологии — 101 (241), другим наукам — 31 (137), а также 22 рукописи, 37 атласов, карт и рисунков [7, с. 34].

Как отмечалось ранее, в 1864 г. в связи с оскудением средств, КОИРГО был вынужден передать библиотеку в распоряжение и пользование Главного штаба Кавказской армии [2, с. VII] (с 1865 г. Кавказский военный округ). Однако, несмотря на это, все члены КОИРГО беспрепятственно пользовались библиотекой, а ее фонд ежегодно пополнялся всеми, вновь выходящими сочинениями о Кавказе, а также другими изданиями, необходимыми для научных исследований отдела. Так, в 1904 г. на покупку книг было потрачено 36 р. 30 к., в 1905 г. — 22 р. 50 к. [8, с. 285].

В 1907 г. библиотека КОИРГО, хранившаяся в здании штаба Кавказского военного округа (где ввиду роста фонда и недостатка помещения пользование ею было уже затруднительно), была перенесена в помещение, где в то время размещался отдел. Правителю дел было поручено привести ее в порядок и составить как карточный и инвентарный каталоги, так и библиографический указатель к книгам и статьям, касающимся Кавказа и сопредельных стран [9, с. 106]. На заседании 22 декабря 1910 г. Распорядительным комитетом было решено открыть специальный фонд на постройку собственного здания [5, с. 82].

С целью пополнения фонда библиотеки КОИРГО, а также для возможности ведения библиографических обзоров работ, касающихся Кавказа, правитель дел Г. Ф. Чурсин обратился письменно в редакции столичных и местных газет, к авторам и издателям

трудов по кавказоведению с просьбой присылать в отдел печатные экземпляры своих работ. В ответ на это обращение к концу 1913 г. стали поступать от авторов отдельные оттиски статей и книги по различным вопросам кавказоведения. Кроме того, правитель дел обратился к крупным издательским фирмам (А. Ф. Девриена, Сабашникова и др.) с просьбой присылать в отдел для рецензии книги по различным отраслям знания — географии, антропологии, этнографии и пр. Благодаря этому от А. Ф. Девриена было получено десять томов книги «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», выходящей под общим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского [4, с. 168].

К концу 1913 г. в библиотеке КОИРГО числилось по каталогу книг и брошюр на русском языке — 14137 томов. Однако, согласно произведенной правителем дел Г. Ф. Чурсиным проверке, выяснилось, что в действительности книг несколько меньше. Подобная ситуация сложилась в связи с тем, что читатели, бравшие книги на дом, зачастую их не возвращали по несколько лет и поэтому ряд изданий оказался утерянным. Что же касалось изданий на иностранных языках, то они в течение многих лет оставались не разобранными и не приведенными в надлежащий порядок. Вследствие чего иностранный отдел не функционировал и только к концу 1913 г. был приведен в порядок: на все имеющиеся издания был составлен инвентарный и карточный каталоги, а сами книги расставлены по шкафам и полкам. На 1 января 1914 г. иностранный отдел библиотеки состоял из 5068 томов, в том числе отдельных книг и брошюр — 484, периодических научных изданий на французском языке — 1234, на немецком — 1000, на итальянском — 717, на английском и других языках — 1633 тома. В целях пополнения иностранного отдела библиотеки был расширен обмен изданиями с зарубежными научными обществами [4, с. 168—169].

В 1914 г. библиотека пополнилась в основном за счет книгообмена. В отчетном году библиотека состояла в обмене с 154 отечественными научными обществами и учреждениями. К сожалению, обмен с иностранными обществами был нарушен войной и почти совершенно прекратился. В течение 1914 г. библиотека увеличилась на 605 номеров книг и журналов, из которых пожертвовано — 59 книг, приобретено покупкой — 20. Среди купленных следующие издания: Миансаров «Bibliographia Caucasica et Transcaucasica», Brosse «Description geographique de la Georgie Wakhoucht'a», «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» и др. Книговыдача на дом (без учета выдачи книг членам отдела и посторонним лицам, в помещении библиотеки) в 1914 г. составила 294 единицы хранения [4, с. 415].

Проведенное исследование показало, что развитие издательской практики КОИРГО было тесно взаимосвязано с освоением вновь присоединенных кавказских территорий, вовлечением их в хозяйственную деятельность страны. Печатная продукция КОИРГО способствовала развитию экономики и культуры региона, публикации отдела внесли также свой вклад в охрану природы Кавказа. Привлечение широкого круга исторических источников — делопроизводственные материалы, законодательные акты, периодическая печать, мемуары и научные труды, а также книговедческих источников позволило в настоящем историко-книжном изыскании воссоздать общую картину выпуска периодических и продолжающихся изданий КОИРГО. Печатная продукция КОИРГО распространялась преимущественно бесплатным путем. Очевидно, что продажа изданий КОИРГО не предполагала коммерческой выгоды, а лишь служила дополнительным каналом распространения для тех, кто не входил в список бесплатной рассылки. Сложившаяся практика распространения изданий вполне соответствовала задачам отдела — популяризации научных сведений среди широких кругов российской и зарубежной общественности. Военные события отрицательно сказались как на книгоиздании отдела, так и на книгообмене, в особенности международном. Несомненно, что свое влияние на культурное развитие региона оказала и библиотека КОИРГО, изначально создававшаяся на пожертвования, а в дальнейшем пополнявшаяся благодаря обширным книгообменным контактам, в меньшей степени путем покупки изданий. Деятельность Кавказского отдела ИРГО и его библиотеки определенным образом повлияла на формирование научного и культурного потенциала региона и внесла свой вклад в развитие отечественной книжной культуры.

Библиографический список

1. Отчет о действиях Кавказского отдела Императорского Русского географического общества за 1852 г. — Тифлис, 1853. — 16 с.
2. Воронов, В. И. Кавказский отдел И. Р. географического общества с 1851 по 1876 г. / В. И. Воронов // Кавказский отдел Русского географического общества с 1851 по 1876 г. — Тифлис, 1876. — С. I—XVI.
3. Балабуев, А. Г. Краткий очерк деятельности Кавказского отдела Русского географического общества / А. Г. Балабуев // Изв. Геогр. о-ва Груз. ССР. — 1946. — № 2. — С. 92—98.
4. Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1913—1914 гг. — Тифлис, 1914. — Т. 22, № 1—4. — 461 с.
5. Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1911—1912 гг. — Тифлис, 1912. — Т. 21, № 1—4. — 368 с.
6. Устав Императорского Русского географического общества и Положения об отделах Кавказском, Сибирском, Северо-Западном и Оренбургском. — СПб., 1868. — 35 с.
7. Отчет о состоянии и действиях Кавказского отдела Императорского Русского географического общества с 1859 по 1864 г. — Тифлис, 1864. — 42 с.
8. Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1905—1906 гг. — Тифлис, 1906. — Т. 18, № 1—4. — 318 с.
9. Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1909—1910 гг. — Тифлис, 1910. — Т. 20, № 1—3. — 259 с.

БАЗЫЛЕВА Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Адрес для переписки: bazyleva_ea@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.09.2015 г.

© Е. А. Базылева

УДК 954(571.1):374.3

А. Г. ДИАНОВ

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

РАЗВИТИЕ СЕТИ И ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА УЧАЩИХСЯ ШКОЛ РАБОЧЕЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1958 гг.)

ЧАСТЬ 1

В статье анализируется возникновение и развитие школ рабочей и сельской молодежи, являвшихся в этот период основной формой получения общего образования без отрыва от производства. Основное внимание автор уделяет развитию сети и изменению состава учащихся. Раскрываются объективные и субъективные причины, повлиявшие на выполнение плана набора.

Ключевые слова: Западная Сибирь, послевоенные годы, образование без отрыва от производства, школы рабочей молодежи, школы сельской молодежи, набор.

Одной из составных частей образования в нашей стране является общее образование без отрыва от производства. Вечерние и заочные общеобразовательные школы и в настоящее время занимают определенное место в системе непрерывного образования.

В современных условиях, когда развертывается реформа общеобразовательной школы, исследование ее развития в прошлом позволит оценить положительные и отрицательные моменты общего образования без отрыва от производства.

Одним из основных вопросов общего образования без отрыва от производства является развитие сети и изменение состава учащихся. Поэтому автор и избрал темой данного исследования проблему развития сети и изменение состава учащихся в школах рабочей и сельской молодежи в 1946—1958 гг. в Западной Сибири. Выбор региона обусловлен его ролью в народном хозяйстве страны.

Выбор автором данной темы обусловливается и состоянием ее изученности. Работы, где затрагивались поставленные автором вопросы [1—6], либо носили тезисный характер, либо вопросы общеобразовательной подготовки трудящихся составляли в них небольшую часть. Исключением являются статьи Г. А. Пузанова и А. С. Юмашева [7, 8], где развитие сети вечерних школ и изменения в составе учащихся рассматриваются более подробно.

Большое значение, которое в послевоенный период придавалось обучению населения без отрыва от производства в вечерних школах рабочей и сельской молодежи, было связано с необходимостью в короткий срок не только ликвидировать последствия войны, но и резко увеличить промышленное и сельскохозяйственное производство.

Школы рабочей и сельской молодежи, широко распространенные в нашей стране в послевоенные годы, были организованы в годы Великой Отечественной войны, когда значительная часть учащихся дневных школ заменила в народном хозяйстве ушедших на фронт. Для того, чтобы дать возможность этой части молодежи получить образование, 15 июня 1943 г. СНК СССР было принято постановление «Об обучении подростков, работающих на предприятиях», 30 апреля 1944 г. общеобразовательные школы для обучения подростков, работающих на предприятиях, были переименованы распоряжением СНК СССР в школы рабочей молодежи (ШРМ), 6 июля 1944 г. вышло постановление СНК СССР «Об организации вечерних школ сельской молодежи» [9, с. 389—393]. Эти постановления предусматривали открытие семилетних и средних школ рабочей молодежи в городах и рабочих поселках, начальных и семилетних вечерних школ сельской молодежи (ШСМ) на селе.

Школы рабочей и сельской молодежи пришли на смену неполным средним и средним школам взрослых, существовавшим с начала 20-х гг. В 1936 г. в селах Сибири было 235 школ взрослых, в основном неполных средних, в них обучались 9,3 тыс. чел. В 1940/41 учебном году в городах и рабочих поселках Сибири имелось 220 неполных средних и средних школ взрослых, где обучались 34,6 тыс.чел., из них 20,7 тыс. — в Западной Сибири [10, с. 352, 353; 11, с. 323].

В первый год войны, после снятия их с государственного бюджета, школы взрослых прекратили свое существование. Перед созданными вскоре школами рабочей и сельской молодежи стояла та же задача, что и перед школами взрослых: повышение общеобразовательного уровня трудящихся. Но имелись и развичия: состав учащихся ШРМ и ШСМ был значительно моложе, чем школ взрослых, и, кроме того, эти школы работали по программам детских общеобразовательных школ, в то время как школы взрослых работали по собственной программе, и до 1937 г. учащиеся, окончившие средние школы взрослых, не имели права на поступление

в вузы. Несмотря на трудности военного времени, 1943/44 учебный год начали в Западной Сибири 70 ШРМ с 10895 учащимися, а 1944/45 учебный год — 504 ШСМ с 23716 учащимися [12, с. 118]

Обучение взрослого населения, не имевшего возможности посещать ШРМ и ШСМ, должны были осуществлять заочные средние школы взрослых. В августе 1944 г. СНК СССР было утверждено «Временное положение о заочной средней школе взрослых РСФСР». В 1944/45 учебном году в Западной Сибири работали 3 заочные средние школы: в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях [13, л. 13].

В годы четвертой пятилетки работа вечерних школ была направлена на ликвидацию последствий войны, которая привела к увеличению количества работающей молодежи, не имевшей законченного начального и семилетнего образования. Необходимо было также обеспечить приток абитуриентов в вузы, поскольку в первые послевоенные годы выпуск из 10-х классов дневных общеобразовательных школ не удовлетворял потребности вузов. Особое внимание на этом этапе уделялось начальному образованию на селе и неполному среднему в городе.

О необходимости повышения общеобразовательного уровня населения говорят следующие данные: в Кемеровской области из 3089 секретарей первичных комсомольских организаций на 1 июля 1946 г. с начальным образованием было 19,1 %, а с неполным средним — 52 % [6, с. 97]. Таким образом, даже самая передовая часть рабочей молодежи крупнейшего района Западной Сибири, вожаки молодежи, которые должны показывать пример трудовой и политической активности, имели, в основном, незаконченное среднее образование. Еще ниже был уровень образования городкого и сельского населения в целом. По переписи 1939 г. в Западной Сибири 16,9 % сельского и 8,6 % [11, с. 323] городского населения в возрасте 9—49 лет были неграмотны, и, учитывая что в период Великой Отечественной войны борьба с неграмотностью приостановилась, вряд ли произошло повышение грамотности населения в городской и сельской местности Западной Сибири к началу четвертой пятилетки.

Работа вечерних общеобразовательных школ зависела, в первую очередь, от выполнения народнохозяйственного плана их комплектования, которое, в свою очередь, зависело от четкого руководства со стороны местных Советов и отделов народного образования работой педагогических коллективов школ и от тесного взаимодействия педагогических коллективов с руководством и общественными организациями предприятий. Показательным в этом плане был пример тесного взаимодействия коллектива ШРМ № 6 г. Омска с руководством и общественными организациями завода № 116. В июне 1946 г. на совместном совещании представителей руководства, общественных организаций завода, воспитателей молодежных общежитий и педагогического коллектива ШРМ были обсуждены направления работы по привлечению молодежи завода к учёбе. В результате совместной работы план набора в ШРМ № 6 был перевыполнен [14, л. 6 ; 15, л. 1—4]. Постоянно выполнялся план набора в годы четвертой пятилетки коллективом ШРМ № 1 г. Омска (директор А. М. Илотов), ШРМ № 10 г. Новосибирска (директор Спиридонова) и др. Однако не все коллективы работали столь успешно. Об этом свидетельствуют данные о выполнении народнохозяйственного плана набора в школы рабочей и сельской молодежи областей Западной Сибири, помещенные в табл. 1 [16, л. 30; 17, л. 1; 18, л. 29; 19, л.; 20, л. 4; 21, л. 5; 22, л. 10; 23, л. 57; 24, л. 289—291; 25, л. 99; 26, л. 2; 27, л 1; 28, л. 33; 29, л. 58; 30, л. 41] и табл. 2 [16, л. 56; 17, л. 28; 18, л. 10; 19, л. 16; 20, л. 45; 22, л. 100; 31, л. 2; 32, л. 7; 33, л. 12; 34, л. 6; 35, л. 54; 36, л. 58; 37, л. 26, 63].

На протяжении четвертой пятилетки план набора в целом по Западной Сибири не был выполнен ШСМ ни разу, а ШРМ только в 1950/51 учебном году. Имеющиеся в распоряжении автора данные о ходе выполнения плана набора в ШСМ свидетельствуют о том, что в тех районах, где был своевременно проведен учет молодежи и руководители хозяйств и сельских Советов с пониманием отнеслись к нуждам ШСМ, план выполнялся. Там, где ограничились формальным утверждением сети ШСМ в райисполкоме без учета наличия достаточного количества молодежи в данном населенном пункте и условий для работы ШСМ, зачастую не удавалось открыть ни одной школы сельской молодежи. Невыполнение плана набора в ШРМ объясняется как недостаточной работой педагогических коллективов школ, так и отсутствием помещений для ШРМ в условиях, когда большинство детских школ работало в 3 смены. Тормозила выполнение плана набора и односменная работа большинства ШРМ при сменной работе многих предприятий. Кроме этого, немаловажную роль играли и материально-бытовые условия жизни рабочей и сельской молодежи. Если принять во внимание, что часть учащихся отсеивалась из вечерних школ из-за отсутствия одежды и обуви, то очевидно, что многие по этой же причине не поступали в школу.

Выполнение плана набора зависело от его правильного определения. К сожалению, волевые решения сверху, характерные для этого периода во всех областях жизни нашего общества, сказались и здесь. При определении плана набора в вечерние школы по областям Министерством просвещения не учитывались ни материальные возможности областей, которые имели огромное значение, особенно в первые послевоенные годы, ни наличие в них квалифицированных учительских кадров, ни условия жизни учащихся. Зачастую при определении плана набора не учитывалась и производственная специализация областей. Так, в 1946/47 учебном году план набора в ШРМ Кемеровской области был ниже, чем в ШРМ Новосибирской области, хотя и численность потенциальных учащихся, и материальные возможности Кемеровской области были выше, чем Новосибирской. В то же время план набора в ШСМ Омской области в этом же учебном году был ниже, чем Кемеровской области, хотя численность сельского населения Омской области двукратно превосходила численность сельского населения Кемеровской области. Выполнение плана набора в ШСМ в 50-е гг. по региону значительно снизилось по сравнению со второй половиной 40-х гг., что отражало общую картину по РСФСР. Главной причиной этого явления было резкое уменьшение приема в 1—4 классы в связи с повышением общеобразовательного уровня сельского населения в результате успехов всеобщего обучения (всеобуч) и работы ШСМ. В Западной Сибири в силу географических особенностей расселения (наличие огромного числа мелких населенных пунктов затруднялось комплектование 5—7 классов. Кроме объективных причин, были и субъективные — сбои в работе отделов народного образования.

Резкий спад в выполнении плана набора в ШСМ наблюдался в Алтайском крае, стабильно выполняв-

Таблица 1

Выполнение народнохозяйственного плана комплектования ШСМ Западной Сибири (по школам Министерства просвещения, в тыс. чел.)

Учебный год	Алтайский край		Кемеровская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область		По Западной Сибири		По РСФСР
	план	выполн., %	план	выполн., %	план	выполн., %	план	выполн., %	план	выполн., %	план	выполн., %	выполнение в % к плану
1946/47	15,0	70,1	5,0	40,0	5,0	102,0	4,0	220,4	—	—	29,0	91,1	85,4
1947/48	6,6	164,4	2,5	48,6	5,4	57,6	5,0	110,0	—	—	19,5	106,8	91,4
1948/49	8,0	117,3	3,0	70,8	7,0	77,2	6,0	102,0	—	—	24,0	96,0	82,8
1949/50	10,0	109,0	3,0	52,8	8,0	62,8	6,3	63,1	3,6	69	30,9	77,7	81,6
1950/51	12,0	72,5	3,0	40,0	8,0	72,7	6,5	76,7	—	—	29,5	70,2	78,5
1951/52	12,0	87,9	3,0	39,0	7,0	79,5	6,5	89,1	—	—	28,5	81,0	—
1952/53	12,5	84,7	2,0	69,3	5,5	91,2	4,5	103,5	2,5	95,6	27,0	89,0	—
1953/54	—	—	1,9	99,6	5,5	92,8	4,5	74,6	—	—	11,9	87,0	—
1954/55	—	—	2,0	37,6	6,0	66,7	6,0	75,7	2,5	76,5	16,5	67,9	—
1955/56	—	—	2,4	31,2	6,0	116,0	6,0	58,6	3,0	51,5	17,4	73,4	—
1956/57	—	—	2,4	56	5,0	80,3	—	—	2,7	40,6	10,1	63,9	—
1957/58	13,5	39,0	3,0	24,7	5,0	60,7	6,3	80,5	—	—	27,8	50,8	—
1958/59	4,6	87,0	нет св.	—	3,8	55,0	—	—	2,7	23,0	11,2	60,5	—

Таблица 2

Выполнение народнохозяйственного плана комплектования ШСМ Западной Сибири (по школам Министерства просвещения, в тыс. чел.)

Учебный год	Алтайский край		Кемеровская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область		По Западной Сибири		По РСФСР
	план	выполн.%	план	выполн.%	план	выполн.%	план	выполн.%	план	выполн.%	план	выполн.%	выполнение в % к плану
1946/47	5,0	75,5	6,0	100,2	6,5	67,3	4,0	94,7	—	—	22,5	79,8	108,3
1947/48	5,0	81,6	5,6	106,0	4,5	75,0	—	—	—	—	—	—	94,1
1948/49	5,0	95,7	6,0	127,4	4,5	104,2	—	—	—	—	—	—	114,3
1949/50	6,0	102,4	8,0	111,0	6,0	109,8	—	—	—	—	—	—	107,2
1950/51	4,0	89,9	10,0	102,2	7,0	105,0	5,0	100,9	2,5	112,6	31,5	100,7	102,1
1951/52	8,0	94,2	12,6	113,6	8,5	110,9	—	—	—	—	—	—	—
1952/53	8,5	108,8	14,0	115,8	9,5	112,0	—	—	3,0	113,7	—	—	—
1953/54	—	—	17,1	122,5	11,2	136,0	—	—	—	—	—	—	110,0
1954/55	—	—	22,0	97,0	15,8	96,0	—	—	3,8	87,5	—	—	98,2
1955/56	11,0	87,1	25,9	78,5	16,0	91,5	10,9	78,9	4,2	92,5	68,0	83,10	91,1
1956/57	12,0	77,0	26,0	92,8	16,0	95,4	10,1	91,7	5,0	80,6	69,1	89,9	—
1957/58	—	—	30,0	82,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1958/59	—	—	28,0	91,0	18,1	82,7	—	—	5,1	82,0	—	—	—

Таблица 3

Численность учащихся в школах рабочей (ШРМ) и школах сельской (ШСМ) молодежи в Сибири и РСФСР в годы четвертой пятилетки (в тыс. чел. на начало учебного года)

Учебные годы	ШСМ		ШРМ		ШСМ и ШРМ	
	Западная Сибирь	РСФСР	Западная Сибирь	РСФСР	Западная Сибирь	РСФСР
1946/1947	29,7	256,0	19,2	325,0	49,7	581,0
1947/1948	23,2	183,0	19,9	251,0	43,1	474,0
1948/1949	23,2	201,0	23,9	370,0	47,1	571,0
1949/1950	24,0	203,0	28,2	430,0	52,2	636,0
1950/1951	22,8	196,0	31,7	488,0	54,5	684,0

шем его в годы четвертой пятилетки. Кроме вышеназванных объективных причин, это было связано, прежде всего, с тем, что руководство края основное внимание уделяло дневным общеобразовательным школам и ШРМ. Контингент последних в середине 50-х гг. сравнялся с контингентом ШСМ, хотя 4/5 населения края были сельскими жителями и уровень образования на селе был ниже городского. В определенной мере работу органов народного образования и райисполкомов на местах характеризовал следующий факт, имевший место во всех областях Западной Сибири. В октябре 1954 г. Алтайский крайисполком по просьбе Косихинского, Ключевского, Тюменцевского райисполкомов разрешил им открыть вновь ряд начальных и семилетних школ, приняв решение «Об изменении сети школ сельской молодежи на 1954/55 учебный год». При проверке в конце декабря 1954 г. вскрылось, что ни одна из этих школ не была открыта [38, л. 76] , что свидетельствовало о халатном отношении местных органов власти к вопросу повышения образовательного уровня сельской молодежи.

В конце пятой пятилетки заметно ухудшилось выполнение плана набора в ШРМ наиболее развитых промышленных районов Западной Сибири. Кемеровская и Новосибирская области, стабильно выполнявшие их ранее, с 1954/55 учебного года перестали выполнять план комплектования ШРМ. В Кемеровской области план набора на 1954/55 учебный год был увеличен на 30 % по сравнению с предшествующим учебным годом, что было мотивировано необходимостью дальнейшего охвата молодежи, занятой на работе в угольной, металлургической, химической промышленности и в строительстве. Однако такое резкое увеличение не было поддержано укреплением материальной базы. Количество школ, имевших собственные здания, осталось на том же уровне, что создавало препятствия для поступления в ШРМ значительной части молодежи, работавшей не в одну смену. Необходимо было резко усилить работу по набору, причем среди рабочих и администрации тех предприятий, которые еще не видели острой необходимости в повышении общеобразовательного уровня. Органы народного образования оказались неподготовленными к такой работе, а советские органы ограничились в основном общими указаниями.

Невыполнение плана набора в ШРМ было характерно в этот период и для Российской Федерации в целом. Так, в 1955/56 учебном году план был выполнен на 91,1 %, однако в Западной Сибири он выполнялся в среднем на 5–7 % ниже [39, л. 171]. Это было связано как с резким его увеличением, так и с более сложными, чем в центральных районах страны, условиями учебы (погодные условия, плохая транспортная сеть, нехватка кадров преподавателей, более слабая материальная база).

Комплектование ШРМ и ШСМ в значительной мере зависело также от поддержки этого мероприятия молодежными организациями, тем более что контингент учащихся этих школ состоял в основном из молодежи. На пленуме ЦК ВЛКСМ в апреле 1946 г. и в специальном постановлении, принятом в июне 1946 г. первичные комсомольские организации обязывались оказывать всемерную помощь в выполнении установленных планов набора [40, л. 38]. В этом же году руководство Томской области и Алтайского края обязало молодежные организации на местах помочь органам народного образования в комплектовании школ рабочей и сельской молодежи [41]. Однако эти мероприятия не привели к росту контингента в ШСМ и ШРМ.

Картину изменения численности учащихся в ШРМ и ШСМ Западной Сибири и в целом РСФСР в годы четвертой пятилетки показывает (в тыс .чел.) табл. 3 [16, л. 56, 304; 18, л. 10, 291; 19, л. 4, 16; 22, л. 100, 105; 42, л.; 43, л. 2; 44, л. 8, 9]. Данные таблицы свидетельствуют, что для Западной Сибири и РСФСР были характерны в целом одни и те же изменения в численности контингента учащихся ШРМ и ШСМ. Число учащихся ШСМ к концу четвертой пятилетки уменьшилось в Западной Сибири и по РСФСР в целом на 23 % по сравнению с первым учебным годом пятилетки. Наиболее многочисленный континент обучался в ШСМ в первый учебный год четвертой пятилетки. Данное обстоятельство было связано с тем, что в ШСМ пришло много молодежи, не имевшей представления о трудностях обучения без отрыва от производства. Кроме того, в этом учебном году в ШСМ принимались все желающие на основании учетных списков и списков, составленных по месту работы, а со следующего учебного года строго индивидуально и с проверкой знаний в случае отсутствия документов об образовании.

Библиографический список

1. Букин, С. С. Повышение образовательного уровня рабочих Сибири в годы послевоенных пятилеток / С. С. Букин // Образование и наука в Сибири. – Новосибирск, 1982. – С. 35–36.

2. Гаврилов, М. А. О работе партийных организаций по повышению общеобразовательного уровня работающей молодежи (1956–1958 гг.) / М. А. Гаврилов // Партийные организации Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. – 1974. – Вып. 7. – С. – 175–180.

3. Горданов, В. П. Роль комсомольских организаций Алтайского края в повышении общеобразовательного уровня рабо-

чей молодежи в годы V пятилетки (1951—1955 гг.) / В. П. Горданов // Деятельность партийных организаций Сибири по вовлечению масс в революционное движение и повышению их активности в строительстве социализма и коммунизма. — Томск, 1977. — С. 99—105.

4. Иванова, В. С. Общеобразовательная и профессиональная подготовка железнодорожников Западной Сибири в годы V пятилетки / В. С. Иванова // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. Общественные науки. — 1976. — № 1, вып. 1. — С. 82—88.

5. Немзоров, Е. Р. Из опыта партийных организаций Западной Сибири по руководству культурно-техническим ростом рабочих и инженерно-технических работников в годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.) / Е. Р. Немзоров // Из истории партийных организаций Сибири. — Новосибирск, 1970. — Вып. 46. — С. 199—213.

6. Орлянская, А. В. Борьба партийных организаций Кузбасса за поднятие общеобразовательного уровня молодых рабочих в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.) / А. В. Орлянская // Осуществление ленинских идей культурной революции в Сибири. — Кемерово, 1972. — С. 59—63.

7. Пудяков, Г. А. К вопросу о становлении и дальнейшем развитии школ рабочей и сельской молодежи в Западной Сибири (1946—1950 гг.) / Г. А. Пудяков // Вопросы истории социально-экономической культурной жизни Сибири. — Новосибирск,1971. — Ч. 1. — С. 297—312.

8. Юмашев, А. С. Некоторые вопросы повышения общеобразовательного уровня сельской молодежи Западной Сибири (1951—1958 гг.) / А. С. Юмашев // Из истории партийных организаций Сибири. — Новосибирск, 1970. — С. 182—192.

9. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. докл. 1917—1973. — М., 1974. — 559 с.

10. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1984. — 376 с.

11. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1983. — 398 с.

12. Нелаева, С. Ф. Партийное руководство вечерней общеобразовательной школой в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) / С. Ф. Нелаева // Из истории партийных организаций Сибири : науч. тр. Новосиб. педагог. ин-та. — 1972. — Вып. 83. — С. 111—121.

13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 1965.

14. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 603.

15. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 62.

16. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-718. Оп. 10. Д. 9.

17. ЦХАФ АК. Ф. Р-718. Оп. 11. Д. 34.

18. ЦХАФ АК. Ф. Р-718. Оп. 11. Д. 38.

19. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-304. Оп. 27. Д. 6.

20. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 27. Д. 52. Л 46.

21. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 631.

22. ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 2912. Л. 105.

23. ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 4326. Л 57.

24. ГИАОО. Ф. Р.-1272. Оп. 1. Д. 951. Л. 289, 290, 291.

25. ГИАОО. Ф. Р-1272. Оп. 1. Д. 3247. Л. 11, 99.

26. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 712.

27. ГАТО. Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 772. Л.1.

28. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 6746. Л. 33.

29. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 6747. Л. 58

30. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 1383. Л. 41.

31. ГАТО. Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 654. Л. 2.

32. ГАТО. Ф. Р- 1158. Оп. 1. Д. 662. Л. 7.

33. ГАТО. Ф. Р- 1158. Оп. 1. Д. 773. Л. 12.

34. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 6745. Л. 6.

35. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 7180. Л. 54.

36. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 1273. Л. 58.

37. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 3370. Л. 26, 63.

38. ЦХАФ АК. Ф. Р-573. Оп. 3. Д. 5. Л. 76.

39. ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 31. Д. 2780. Л. 171.

40. ГАНО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 151. Л. 38.

41. Красное знамя. — 1946. — 5 марта.

42. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 4904. Л. 2.

43. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 71. Д. 6259. Л. 2.

44. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 72. Д. 276. Л. 8, 9.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории и политологии.
Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2015 г.
© А. Г. Дианов

Книжная полка

Семин, В. П. История России. Проблемы и вопросы : учеб. пособие / В. П. Семин, М. В. Шадская. — М. : Кнорус, 2015. — 654 с. — ISBN 978-5-406-03005-9.

Рассматриваются проблемные, спорные вопросы российской истории. Приводится анализ проблем и теорий, связанных с преобразованием Древнерусского государства, дается ответ на вопросы: на чьей стороне историческая правда — норманнов и антинорманнов, кто такой Рюрик, кто же создал государственность у древних славян. Раскрываются взгляды Ивана Грозного в вопросах государственного строительства, дается ответ на вопрос «кто такие самозванцы на Руси?». Анализируются крестьянские войны, место дворянского сословия в российском обществе, оценки исторической наукой Петровских реформ. Соответствует действующему ФГОС ВО нового поколения. Для студентов вузов неисторического профиля, а также преподавателей и абитуриентов.

Костомаров, Н. И. Рождение Российской империи. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров ; ред. С. З. Кодзова. — М. : ОлмаМедиаГрупп, 2015. — 448 с. — ISBN 978-5-373-07559-6.

Автор книги Н. И. Костомаров, историк и писатель, смог соединить фундаментальность исследования с популярностью и доступностью изложения. В книге вы найдете интереснейшие факты из истории России, биографии героев, создававших Российскую империю. Книга адресована всем, кто любит русскую историю.

УДК 94"1905/1906":323.232:355.35(571.1)

В. О. ДУБИНИН
Н. В. ЛИДЕР

Омский автобронетанковый инженерный институт

ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АГИТАЦИОННОЙ И ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ В ВОЙСКАХ В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ (1905—1906 гг.)

В статье представлена попытка анализа форм противодействия агитационной и пропагандистской работы революционных организаций в войсках в период Русско-японской войны в частях и военных учреждениях Сибирского военного округа в период 1905—1906 гг.

Ключевые слова: пропаганда, агитация, воинское воспитание, Западная Сибирь, Сибирский военный округ, вооруженные силы.

Мобилизация новобранцев и запасных в Сибири в период Русско-японской войны проводилась в более широких масштабах, чем в стране в целом. Если в России было мобилизовано 65 % общего числа запасных солдат, то по Сибирскому и Приамурскому округам — 100 % и почти все боеспособное ополчение [1, с. 33—34]. Число запасных, взятых в действующую армию из Сибири, к окончанию Русско-японской войны достигло 100 тыс. человек [2, с. 151]. После окончания боевых действий начались мероприятия демобилизации, совпавшие с революционными событиями в стране. «В революционное движение вклинился привходящим элементом — бунт демобилизуемых запасных солдат» — вспоминал генерал А. И. Деникин, очевидец тех событий [3, с. 224]. Активная работа организаций революционеров в войсках вынуждала военное руководство принимать определенные контрмеры. Еще в 1903 г. военный министр Куропаткин потребовал от командующих Сибирским и Приамурским военными округами принятия решительных мер для прекращения пропаганды в войсках. Представляется возможным выделить различные меры противодействия агитационной и пропагандистской работе в войсках в Сибирском военном округе.

Например, напоминание о долге, обязанностях службы, верности присяге. В своих приказах и приказаниях командующий округом требовал от подчиненных частей точного исполнения «ст. 938, кн. 7 Свода военных постановлений 1869 г., воспрещающую всем вообще военнослужащим публичное произношение речей и суждений политического содержания» обращал внимание, что «...войска руководствуются требованием воинской дисциплины, преданностью престолу и патриотическим долгом», а «не может быть проникнуто духом той или иной партии» [4].

Запрещалась к распространению литература, явно или косвенно содержащая критику существующего строя и особенно вблизи путей перемещения войск. Так, например, начальник Томского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги 16 июня 1905 г. получил циркуляр о «воспрещении розничной продажи газеты «Русское слово» [5].

В целях воспрепятствования агитационной работе практиковалось блокирование военных лагерей путем выставления пикетов и военных патрулей, вывода частей из населенных пунктов. Так, в декабре 1905 г. «местными военными властями было решено запасных нижних чинов не размещать в городе, а передать прямо со станции в строящиеся бараки за Иркутском» [6, с. 220].

Формировались новые полицейские учреждения и подразделения. Так, например, в Чите открылось губернское жандармское управление и при нем сыскное отделение [7].

Производилась замена сибирских рабочих-железнодорожников на Транссибирской магистрали на солдат железнодорожных батальонов. Так, например, в Сибирь и на Дальний Восток была направлена железнодорожная бригада. В Восточной Сибири были размещены ее 2-й и 3-й батальоны [8, с. 195].

К участникам беспорядков применялись репрессии: смертная казнь, каторга, удаление солдат на большие расстояния от места призыва [9, с. 91], лишение их отпусков. Так, командующий Сибирским военным округом получил право «в случае признания в том необходимости ... согласно п. 268 ст. XXII Свода военных постановлений по своему усмотрению предавать военному суду воинских чинов мобилизованных войск и иных команд, отправляемых в действующую армию» [10]. «Придание суду по законам военного времени нижних чинов за участие в беспорядках и совершение преступлений» предусматривало также «Наставление для команд запасных нижних чинов и маршевых команд пополнения, следующих по Сибирской железной дороге в пределах Сибирского военного округа», разработанное штабом округа [11, с. 124]. Например, после подавления беспорядков в селе Александровское Иркутской губернии в ноябре 1905 г. суду был предан 41 солдат, а в декабре того же года после подавления вооруженного восстания в Красноярске

было арестовано в общей сложности 207 солдат [12]. В 1906 г. при пресечении недовольства 17 нижних чинов 6-й роты 10-го Сибирского Омского полка были арестованы, а сама рота расформирована. По приговору военно-полевого суда были казнены три солдата 31-го Восточно-Сибирского полка за участие в вооруженном освобождении активистов Красноярского комитета РСДРП в октябре 1906 г. [8, с. 225].

Происходила смена места дислокации наиболее революционизированных частей. Так, в конце ноября 1905 г. из Красноярска на станцию Обь Томской губернии в целях предотвращения беспорядков была переправлена 3-я рота 2-го железнодорожного батальона [13].

В ответ на появление в казармах нелегальной революционной литературы военное ведомство организовало выпуск проправительственных газет и журналов для нижних чинов: «Витязь», «Верность». «Воин», «Воин и пахарь», «Родина», «Русский воин», «Стрелец». Командование округа предписывало приобретать журнал «Братская помощь», занимающегося оказанием помощи пострадавшим на Русско-японской войне солдатам и их семьям. В приказании отмечалось: «Ввиду высокогуманных и патриотических целей, преследуемых журналом «Братская помощь», Командующий войсками округа приказал особо рекомендовать указанный журнал к самому широкому распространению между частями войск, учреждений и заведений, а равно и между вообще служащими в округе» [14].

Кроме того, по пути следования эшелонов закрывались винные лавки [15]. Так, еще в 1900 г. начальник полицейского управления Сибирской железной дороги требовал от подчиненных «немедленно по прибытию военных поездов на станцию заявлять сидельцам казенных винных лавок, находящихся вблизи железнодорожных станций ... о немедленном прекращении в них торговли до отхода воинского поезда» [16]. Практика закрытия питейных заведений применялась и во время воинских призывов и мобилизаций. Так, циркуляром МВД № 12 от 28 июня 1903 г. начальникам губерний и областей было «предоставлено право закрывать ... в пунктах призыва в часы заседаний воинских присутствий по приему новобранцев как казенные винные лавки, так и частные питейные заведения» [17].

Организовывались массовые молебны. Например, в апреле 1904 г. епископом Омским и Семипалатинским Михаилом был совершен торжественный молебен при отправке на фронт Сибирской казачьей дивизии, а также благословение святой иконой Смоленской Божией Матери начальника дивизии генерал-лейтенанта Н. А. Симонова [18, с. 166]. 24 апреля 1904 г. совершен торжественный молебен перед выступлением в поход 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, во время которого от города полку был поднесен образ Спасителя, а от отдела Красного Креста — Евангелие [19, с. 23].

Власти нередко шли на частичное удовлетворение требований солдат. Так, были удовлетворены требования около 100 ратников 11-й дружины государственного ополчения, которые 26 ноября 1905 г. в Томске потребовали своего увольнения со службы [12, с. 154]. Также решением начальника Иркутского гарнизона генерал-майора Ягодкина немедленно были уволены в запас нижние чины определенных сроков службы, и начиная со 2 декабря им предоставлялся «ежедневно по одному воинскому поезду» [6, с. 218]. В период беспорядков в Иркутске генерал Ласточкин «пустил в ход все меры, чтобы «успокоить» солдат и даже приказал выдавать солдатам порцию водки» [8, с. 213]. Например, в Красноярске солдатам обещали выдать новую «одежду, лишь бы они не выдвигали требований», а солдатам Маньчжурской армии правительство обещало после окончания войны выделить землю в Сибири и на Дальнем Востоке. Также в целях предупреждения случаев недовольства военнослужащих и по их желанию улучшался рацион питания солдат, постная пища заменялась на обычную [8, с. 195]. Наряду с этим оказывалась материальная помощь семьям запасных мобилизованных. Так, в 1900 г. семьям казаков Сибирского казачьего войска выдавалось продовольствие или деньги из расчета 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы и 4 фунта соли в месяц на каждого иждивенца [20]. В 1904 г. 563 семьи призванных запасных чинов получили пособия на сумму 27066 руб. [8, с. 195].

Оказывалось содействие благотворительным организациям, стремящимся оказать помощь участникам боевых действий на Дальнем Востоке. Так, 23 марта 1905 г. последовало разрешение для Комитета имени генерал-лейтенанта М. Д. Скобелева, «преследующего столь симпатичную цель», разместить «на станциях казенных железных дорог» кружки для сбора денежных средств и обеспечить их охрану [20].

Были увеличены денежные выплаты офицерам, а войскам, которые направлялись для содействия гражданским властям, на время борьбы с «бунтовщиками» увеличивалась выдача мяса, круп, сахара и чая [21]. Генерал Н. Н. Сухотин в декабре 1905 г. потребовал от военных начальников «тщательно проверить, все ли нижние чины удовлетворены всем им положенным, приняв затем действенные меры к выдаче неполученного ими» [22].

С целью правильной организации досуга личного состава частей, временно не участвовавших в боевых действиях, устраивались всевозможные мероприятия, в том числе спортивные, театральные представления. Так, 12 августа 1905 г. в 12-м Барнаульском полку состоялись призовые стрельбы для офицеров и солдат. 6 сентября того же года силами офицерского состава полка, с разрешения командира полка, «используя парики из конских хвостов и краску из плохой китайской извести», были подготовлены две пьесы А. П. Чехова и одну пьесу поставили сами нижние чины, кроме того, солдаты занимались перетягиванием каната и другими «солдатскими играми» [19, с. 23].

Постепенно части округа укомплектовывались благонадежным и лояльным власти личным составом. При мобилизации и выдвижении сил округа в период подготовки к боевым действиям с Японией в 1904 г. руководство округа строго указывало: «При выступлении в поход войска должны оставить находящиеся под следствием и судом чинов в местах квартирования» [23]. Однако хватало неблагонадежных, мобилизованных или прибывших с воинскими частями из других регионов страны. Так, «во все полки были присланы матросы Черного и Балтийского морей, произведших там буйства». Например, 12-й Барнаульский полк получил таких 17 человек [19, с. 199]. Практика таких переводов вызывала возражения командиров сибирских частей и соединений. В годовом отчете начальника 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии за 1906 г. говорится, что «неблагонадежно влияет на нравственность перевод из других родов войск... принимавших участие в вооруженных восстаниях и бунтах... Всего в отчетном

году поступил 2041 ненадежный нижний чин. Означенные нижние чины представляют, безусловно, вредный элемент, в большинстве случаев это совершенно испорченные в нравственном отношении, но развитые и сравнительно хорошо образованные люди, посему вредное влияние их усиливается» [24]. Командование 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, жалуясь на переведенных, советовало, как уберечь войска от «тлетворного влияния нижних чинов, переведенных из частей, нарушивших присягу, желательно не раскассировать их по полкам, а формировать из них особые части, на которые возлагать службу в особо тяжелых условиях» [9, с. 92]. Неудивительно, что переведенные из флота нижние чины являлись активными зачинщиками беспорядков и волнений в подразделениях округа. Так, в сентябре 1905 г. «произвели беспорядок» матросы с броненосца «Георгий Победоносец» — участники волнений на Черноморском флоте [12, с. 152], а в октябре 1906 г. во время столкновения солдат 4-й роты 31-го Восточно-Сибирского стрелкового полка с начальством «рядовой, бывший матрос с броненосца «Потемкин Таврический» Елдимов схватил винтовку и начал штыком бить подпоручика... по голове» [9, с. 94].

Особый интерес вызывает вопрос укомплектования частей округа благонадежным командным составом. Несмотря на то что при производстве в офицеры и давалась подписка о неучастии в политических партиях, у офицерского состава сибирских частей и подразделений наблюдался возросший интерес к политической и общественной жизни в стране. Так, региональные исследователи отмечают, что даже некоторым преподавателям Сибирского кадетского корпуса были свойственны либеральные настроения, которые они пропагандировали в среде воспитанников корпуса. Например, преподаватель русского языка и словесности В. П. Лободовский знакомил кадетов с передовой русской литературой, критическими и публицистическими статьями [25, с. 75]. В этот же период происходили серьезные изменения и в офицерском корпусе царской армии, среди офицеров возрастала доля представителей средних слоев, да и сам ход военных действий на востоке значительно усилил оппозиционные настроения среди части офицеров [9, с. 90]. Определенное влияние на военных Западной Сибири оказало областничество. Например, адъютанта штаба Западного Сибирского военного округа капитана И. Ф. Соколова связывала личная дружба с лидером областничества Г. Н. Потаниным. Часть военнослужащих увлекались народничеством. Не был примером верности присяги и преподаватель Сибирского кадетского корпуса подполковник А. Ф. Ечинац. Он снабжал воспитанников запрещенными для чтения книгами, способствовавшими «усвоению кадетами превратных понятий о существующем государственном строе» [25, с. 77—78]. Командование округа обращало внимание правительства на наличие в армии огромного числа «офицеров и прапорщиков из запаса и запасных докторов, т. е. лиц, на многих из которых не только нельзя было положиться, но которые и сами склонны были принять участие в пропаганде» [8, с. 196]. В 1903 г. командующий Сибирским военным округом, отмечал проявления революционных настроений среди части офицеров Иркутского гарнизона, принявших участие в антиправительственной манифестации в Иркутске 13 января 1903 г. Офицерам ставилось в вину, что они не выразили «свою решимость» и не выступили «энергично и твердо» против «крамольного» собрания [26]. Кроме мелких частей, был только один случай, когда весь офицерский состав полка (Читинский полк) с командиром во главе вынес сумбурное постановление, в котором, между прочим, выражалось сочувствие «передаче власти народу» — отмечал генерал А. И. Деникин [3, с. 205]. Начальник Омского жандармского управления в политическом обзоре за 1906 г. также утверждал, что революционеры «не смогли склонить на свою сторону офицеров», но «достигают иногда желательных для них результатов в среде солдат» [27]. Однако начальник санитарно-эвакуационной части Сибирского военного округа в своем отчете с грифом «не подлежит оглашению» отмечал, что в 20-х числах ноября (1905 г.) в Иркутском гарнизоне начались как солдатские, так и офицерские митинги. Причем участниками таких митингов стали «почти исключительно прапорщики и офицеры запаса, *(которые)* приняли программу своей деятельности, общую со всеми революционерами» [6, с. 218]. Так же неодобрительно о кадре офицеров запаса отзывался командир 12-го Барнаульского полка: «Вообще из прибывших *(офицеров запаса)* есть некоторые нежелательные» [19, с. 52].

Меры, применяемые руководством округа, в целом были успешными. Так, например, 2 декабря 1905 г. от восставших в Иркутске отошли казаки, а на следующий день их примеру последовали солдаты конвойной и учебной команд. Таким образом, в результате этих мер воинские части, размещенные в Сибири, оставались верными существующему режиму и использовались правительством в подавлении беспорядков [8, с. 199]. Так, в силовом восстановлении порядка в Иркутске участвовали подразделения 5-го Иркутского Сибирского пехотного полка, а в Красноярске 11 рот Красноярского полка, учебная команда 10-го Омского Сибирского пехотного полка и сотня казаков Красноярского дивизиона [11, с. 159—160]. 31 декабря 1905 г. командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин телеграммой на имя главного начальника военно-учебных заведений сообщал: «Всепреданнейше счастлив засвидетельствовать, что юнкера Иркутского училища, беззаветно верные долгу присяги и вновь пожалованному знамени, в течение двукратных беспорядков в Иркутске проявили себя непоколебимыми доблестными слугами царя и Родины. В октябрьские дни, в течение трех дней, они бессменно охраняли генерал-губернатора в его дворце, а три юнкера восстановили телеграфное, прерванное врагами, действие. В конце ноября училище служило грозным оплотом против врагов порядка и надежным убежищем для всех, не изменивших долгу и присяге, о чем прошу доложить царю» [28]. Телеграмма была доложена Николаю II, который написал на ней следующие слова: «Прочел с истинной отрадой. Благодарю юнкеров Иркутского училища за верную преданную службу в трудные дни» [28].

Работу государственных и военных органов управления Сибирского военного округа по поддержанию воинской дисциплины, воспитанию высоких духовно-нравственных качеств и лояльности существующей власти в данный период в целом можно признать успешной. Однако генерал А. Н. Куропаткин отмечал, что в сибирских полках, «при их выдающейся беззаветной твердости и стойкости, замечалась малая способность к покорным движениям, в особенности в жаркое летнее время» [8, с. 195]. Кроме того, факт 85 массовых выступлений солдат

в воинских частях сибирских военных округов после неудачной Русско-японской войны в 1905 г., свидетельствовали о кризисе системы обучения и воспитания личного состава русской армии в целом, и в Сибирском военном округе в частности [8, с. 195]. Подобные примеры являлись своеобразным предупреждением государственному и военному руководству о необходимости повышения эффективности воспитательной работы в войсках. В заключение надо отметить, что и в настоящее время в условиях открытой информационной войны против России и ее государственных структур изучаемая проблема не теряет своей актуальности.

Библиографический список

1. Петров, В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. / В. А. Петров. — М.; Л., 1964. — 390 с.
2. Баяндин, В. И. Хроника революционных выступлений в частях сибирских военных округов в годы первой российской революции / В. И. Баяндин // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. — Новосибирск, 1987. — С. 152—159.
3. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. — М. : Мысль, 1991. — 205 с.
4. Приказы по войскам Сибирского военного округа № 269 от 27 ноября 1905 г., № 270 от 29 ноября 1905 г.
5. ГИАОО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 188. Л. 146 об.
6. Краткий отчет начальника санитарно-эвакуационной части в Сибирском военном округе за 1904—1906 гг. — Иркутск, 1906. — 270 с.
7. Газета Искра. — 1903. — 15 сентября.
8. Кабацкий, Н. И. Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905—1906 гг. / Н. И. Кабацкий. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. — 240 с.
9. Баяндин, В. И. Влияние политических ссыльных на солдатские массы в Сибири в годы первой российской революции / В. И. Баяндин // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX — начало XX в. — Новосибирск : Наука, 1988. — С. 91—96.
10. ГИАОО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 188. Л. 105, 105 об.
11. Копылов, В. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории / В. А. Копылов, В. П. Милюхин, Ю. А. Фабрика. — Новосибирск : СО РАН, 1995. — 246 с.
12. Баяндин, В. И. Революционные выступления в воинских частях сибирских военных округов в 1905—1907 гг. / В. И. Баяндин // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. — Новосибирск, 1987. — С. 153—159.
13. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 810. Л. 13, 14 об.
14. Приказание по войскам Омского военного округа № 132 от 6 октября 1907 г.
15. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 795. Л. 2 об.
16. ГИАОО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 188. Л. 40.
17. ГИАОО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 188. Л. 82.
18. Пугачева, Н. М. Омичи в Русско-японской войне / Н. М. Пугачева // Омский историко-краеведческий словарь. — М. : Отечество, 1994. — С. 166.
19. Белоусов, И. Журнал военных действий 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка с 2-го февраля 1904 по 1 января 1905 г. / И. Белоусов, С. Ф. Добротин. — М. : Печатня С. П. Яковлева, 1906. — 312 с.
20. ГИАОО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 188. Л. 155.
21. РГВИА. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 43. Л. 112.
22. Приказ по войскам Сибирского военного округа № 276 от 2 ноября 1905 г.
23. Приказание по войскам Сибирского военного округа № 24 от 28 февраля 1904 г.
24. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 1. Л. 223 об.
25. Гефнер, О. В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX — начале XX вв. : моногр. / О. В. Гефнер. — Омск : ОмГАУ, 2004.
26. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 450. Л. 33
27. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 56. Л. 33.
28. РГВИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 88. Л. 11.

ДУБИНИН Виктор Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
ЛИДЕР Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
Адрес для переписки: victord44@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2015 г.
© В. О. Дубинин, Н. В. Лидер

Книжная полка

Римини, Роберт. Краткая история США / Р. Римини ; пер. О. Алексанян ; ред. А. Райская. — М. : КоЛибри, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-389-07121-6.

История США была бурной, кровавой и захватывающей. Начиная с эпохи Великих географических открытий, когда отчаянные мореплаватели отправлялись за сказочными богатствами к неизведанным берегам, эти края пережили немало потрясений: колонизация и война за независимость, гражданская война и освоение Дикого Запада, развитие промышленности и Великая депрессия... Земля мечты, земля надежды, эта страна стала домом для иммигрантов со всего света — авантюристов, золотоискателей и просто искателей лучшей доли, которые принесли с собой свои обычаи и традиции. История США не похожа ни на какую другую, она читается как приключенческий роман, повествующий о невероятных и увлекательных событиях.

Клесов, А. Происхождение славян. Очерки ДНК-генеалогии / А. Клесов ; ред. А. Ю. Клименко. — М. : Эксмо, 2015. — 512 с. — ISBN 978-5-4438-0978-6.

Книга профессора А. Клесова отвечает на вопросы: кто такие славяне и каково их происхождение? Откуда они пришли? На протяжении трех веков ученые не могли дать на них обоснованный ответ. Он нашелся на стыке двух наук: истории и генетики. Сам автор утверждает, что его книга будет иметь «эффект разорвавшейся бомбы», и это действительно так: читателя этой книги ждут потрясения. Автор разрушает сложившееся в научной среде русофобское табу на изучение истории древних славян и их происхождение от ариев — коренных жителей Русской равнины.

УДК 908:7.03

Е. В. МЕЛЬНИКОВА

Омский государственный институт сервиса

ФОНД В. И. СУЗДАЛЬСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТЕАТРА СИБИРИ

В статье на основе архивных материалов воссоздана биография В. И. Суздальского. Показана роль фонда Суздальского как источника по истории театра Сибири. Анализ проведен на основе документов Томского государственного архива.

Ключевые слова: архивные материалы, фонд В. И. Суздальского, история театра Сибири.

Владимир Игоревич Суздальский родился 1 июля 1941 г. [1] в г. Томске в известной в городе семье ученых-медиков. Дед В. И. Суздальского, Виктор Иванович Суздальский, — врач-гигиенист, доктор медицинских наук, профессор, заведовал кафедрой гигиены Томского медицинского института, был одним из создателей и деканом санитарно-гигиенического факультета, мать Владимира Игоревича, Руфина Игоревна Суздальская, — врач-гематолог, кандидат медицинских наук, в течение восьми лет возглавляла клинику им. А. Г. Савиных, воспитала двух сыновей и дочь [2].

В 1960 г., после окончания средней школы № 9 г. Томска, В. И. Суздальский поступил на фармацевтический факультет ТМИ, который оставил в 1962 г. [3]. В 1963 г. он поступил на заочное отделение историко-филологического факультета Томского государственного университета, который окончил в 1969 г. по специальности «русский язык и литература» [4]. С 1983 г. по 1985 г. В. И. Суздальский обучался на отделении пропагандистского мастерства факультета идеологических кадров Университета марксизма-ленинизма Томского обкома КПСС [5].

Трудовая деятельность В. И. Суздальского в системе книжной торговли началась в 1962 г. 17 марта 1962 г. он был принят продавцом отдела букинистической литературы магазина № 1 Томского облкниготорга, 22 ноября 1966 г. ему присвоена категория старшего продавца [6]. С 1 декабря 1969 г. он переведен на должность заведующего отделом букинистической книги книжного магазина № 2 [7], с 1 октября 1972 г. назначен товароведом-приемщиком букинистической литературы [8], с 1 апреля 1974 г. — заведующим магазином № 6 «Букинист» [9], с 1 апреля 1991 г. и до 1996 г. работал директором малого предприятия «Букинист» [10].

Владимир Игоревич проводил активную работу по пропаганде книги. В 1970-е гг. он стал одним из инициаторов создания в Томске клубов любителей книги. В 1973 г. при его участии организован клуб книголюбов «Мечта» при Доме культуры завода «Сибкабель», он был одним из председателей правления клуба [11]. В 1981 г. под его руководством начал действовать городской клуб любителей книги «Эрудит» по типу телевизионной передачи «Что? Где? Когда?» [12], в 1987 г. организован клуб книголюбов в магазине «Букинист», также В. И. Суздальский принимал участие в работе клуба библиофилов при научной библиотеке ТГУ и магазина-клуба «Искра». В 1980-е гг. он руководил отделением распространения книги и читал лекции на занятиях народного университета «Книга» [13].

В. И. Суздальский — известный в Томске краевед и коллекционер. Главным его увлечением и предметом изучения был театр. Он не пропускал ни одного спектакля на томской сцене, знакомился с работами театров других городов, также интересовался развитием отечественного и зарубежного кинематографа, побывал на трех международных московских кинофестивалях. Им собрана коллекция документов по истории театрального дела и музыкальной живописи г. Томска, о деятелях искусства и литературы, со многими из которых он встречался и переписывался. Среди них — М. Лиепа, А. Тарасова, Ю. Гуляев, А. Матешко, артисты томских театров, томские писатели и художники. Владимир Игоревич был собирателем автографов, в его коллекции книги, журналы, рисунки, фотографии с автографами томских писателей, художников, деятелей театра и кино, краеведов, вымпел с автографами тренеров по фигурному катанию и фигуристов. В. И. Суздальский увлекался фалеристикой, его коллекция значков была одной из самых значительных в Томске. Наиболее полно в ней были представлены собрания, посвященные В. И. Ленину, Сибири, г. Томску, освоению космоса.

Коллекции В. И. Суздальского послужили источником его творческой и культурно-просветительской деятельности, основой для написания очерка «Театр уж полон... Из истории Томского драматического», изданного в 1995 г. [14], статей, сценариев телевизионных передач для Томского и Северского телевидения, лекций, с которыми он выступал на предприятиях, в учреждениях и организациях. Он был редактором и постоянным автором первого в Томске краеведческого журнала «Томская старина», основанного в 1991 г. и преобразованного в 1993 г. в краеведческий альманах «Сибирская сторона» [15], членом краеведческого клуба «Старый Томск».

Владимир Игоревич активно занимался общественной работой, был членом Томского городского комитета народного контроля [16], совета содействия иностранному туризму Томского облсофпрофа [17], пропагандистом политических знаний [18].

За трудовую деятельность В. И. Суздальский награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича

Ленина (1970 г.)» [19], его фотография занесена на Доску почета Кировского района г. Томска; он был удостоен званий «Лучший продавец облкниготорга», «Лучший заведующий магазином облкниготорга» [20], неоднократно награждался почетными грамотами Томского облисполкома, областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, облкниготорга [21]. Его общественная работа, деятельность по популяризации книги, участие в выставках коллекционеров отмечены почетными грамотами общественных организаций, правлений Добровольного общества любителей книги РСФСР, областной и городской организаций общества [22]; дипломами Томского областного отделения Всесоюзного общества филателистов [23].

Умер В. И. Суздальский 29 ноября 1996 г. [24].

Документы В. И. Суздальского за 1885—1997 гг. были переданы на хранение в ОГУ «Государственный архив Томской области» в 1997—2006 гг. А. Б. Казачковым и В. П. Домаевским и составили фонд № Р-1645.

В фонде представлены следующие виды документов:

1. Биографические материалы В. И. Суздальского (военный билет, удостоверения, дипломы об окончании ТГУ и Университета марксизма-ленинизма Томского обкома КПСС, студенческий билет, зачетная книжка, экзаменационные карточки, школьные табели, дневники, тетради, дипломная работа; личное дело, трудовая книжка; учетная карточка ВЛКСМ, профсоюзный билет, мандат делегации конференции НТО Томского облкниготорга, пригласительные билеты на заседания общественно-политических и научно-технических организаций; выписки из приказов о награждении, почетные грамоты, дипломы).

2. Творческие работы В. И. Суздальского и материалы к ним (очерки, набросок пьесы, сценарии телевизионных передач, статьи, заметки, рецензии, стихотворения, записи, выписки из книг и газет, список литературы, библиографический каталог рецензий, иллюстрации к очерку «Театр уж полон... Из истории Томского драматического» и схема их размещения).

3. Материалы культурно-просветительской деятельности В. И. Суздальского (режиссерская разработка пьесы В. С. Розова «А, Б, В, Г, Д...», программы спектаклей, поставленных В. И. Суздальским, пригласительный билет на спектакль, заметка о спектакле драматического коллектива школы № 9 г. Томска):

— тексты и план лекций, статьи, заметки, фотографии, иллюстрации к лекциям, программа симпозиума, учебные планы по краеведению Томского гуманитарного лицея, списки учреждений и организаций, в которых Суздальским были прочитаны лекции;

— доклад, тезисы и тексты выступлений на заседаниях клубов книголюбов, тексты поздравлений клубам книголюбов, записи, сделанные на Всероссийском семинаре книголюбов, списки тем выступлений на заседании Клуба библиофилов при НБ ТГУ и тем заседаний магазина-клуба «Букинист», приглашения на пленум, семинар, заседания организаций ДОК, клубов книголюбов г. Томска, статьи и заметки о работе клубов, программы занятий городского народного университета «Книга»;

— приглашения на презентации, спектакли, концерты, выставки.

4. Записи делового характера и записные книжки (записи В. И. Суздальского, связанные с работой в системе книжной торговли и редакции журнала «Томская старина», записные книжки).

5. Переписка и визитные карточки (коллективные письма представителей общественности и томских коллекционеров, написанные при участии Суздальского в Томский обком КПСС и редакции газет, письма и поздравительные телеграммы, открытки артистов театра и кино, коллекционеров, коллег и друзей и др., визитные карточки В. И. Суздальского, руководителей предприятий, учреждений, организаций, деятелей науки и искусства).

6. Материалы о создании коллекций В. И. Суздальского (записи фондообразователя с перечнями документов частных архивов, акт о передаче документов из его коллекции во временное пользование Томскому областному краеведческому музею, списки книг с автографами, картотеки с автографов).

7. Имущественно-хозяйственные материалы (свидетельство о страховании имущества, талонная книжка, завещание и доверенность А. А. Митюниной (бабушки В. И. Суздальского).

8. Материалы о В. И. Суздальском (статьи о В. И. Суздальском и с упоминанием о нем, посвященные ему стихотворения, рецензии и замечания к тексту очерка «Театр уж полон ... из истории Томского драматического», списки неопубликованных статей Суздальского и статей о нем).

9. Изобразительные материалы (фотодокументы: фотопортреты В. И. Суздальского, его фотографии с друзьями, коллегами, артистами, членами клубов книголюбов, клуба «Старый Томск», основателями журнала «Сибирская старина», слушателями лекций, участниками экскурсий по г. Томску; фотографии его друзей и знакомых, участников мероприятий, проводившихся в книжных магазинах Томска, заседаний клубов книголюбов, выставок книг, витрин и аншлагов мероприятий книжных магазинов:

— фотографии сцен из спектаклей драматических и музыкальных театров, артистов театров и кино, работников театра, театральных зданий;

— фотографии народника С. С. Синегуба и членов его семьи, потомков княжеского рода Голицыных, П. И. Макушина, работников его книжного магазина, Томского отделения Сибкрайиздата, Томского отделения Когиза, работников магазина «Букинист», ветерана книжной торговли г. Томска А. С. Ждановой, членов ее семьи, коллег и друзей, здания и торгового зала магазина П. И. Макушина, здания типографии Товарищества печатного дела, Дома науки им. П. И. Макушина в г. Томске;

— негативы на стекле и пленке с изображением членов семьи Суздальских, видов курорта «Шира», с портретами актрисы А. Ф. Перегонец;

— рисунки, экслибрисы, открытки с репродукциями картин и фотографиями скульптур Н. А. Белянова, А. Вахтина, В. А. Кана, В. А. Марьина, Л. А. Усова, М. Н. Шугая, М. Янушкевич, эскизы костюмов к спектаклю Государственного ордена Ленина Бурятского театра опера и балета, монтажные листы с работами фотографов, иллюстрации из книг и журналов и открытки с портретами артистов, открытки с фотографиями здания Томского театра драмы, плакаты, копия плана 2-го округа г. Томска (1877 г.), календари с картой г. Томска начала XVII в.

10. Коллекция документальных материалов по истории книжной торговли и театрального дела в г. Томске, о музыкальной жизни города; работе Томского отделения ВТО, театров Томска и Северска, коллективов художественной самодеятельности; об отечественных и зарубежных театрах; деятелях

искусства и литературы (доверенность правления Сибирского областного государственного издательства П. И. Макушину на выполнение обязанностей уполномоченного по Томскому отделению Сибгосиздата (1923 г.), список рабочих и служащих книжного магазина Макушина (1920 г.), программа научно-практической конференции, посвященной Макушину, справка Государственного архива Томской области о нем, правила распределения ролей и распорядка на репетициях и спектаклях народного театра Общества народного образования г. Томска, отчет секретаря правления Драматической комиссии общества о спектакле театра (1918 г.), протокол общего собрания слушателей Драматической рабочей студии (1920 г.), альбом о магазине «Букинист», закладки для книг с рекламными текстами организаций книжной торговли; воспоминания, программы и афиши спектаклей, фестивалей, концертов, гастролей; статьи, заметки, рецензии, интервью, буклеты, документы личных архивов работника книжной торговли г. Томска А. С. Ждановой, заведующей парикмахерским цехом Томского областного драматического театра О. Л. Васильевой, актеров и режиссеров П. В. Возжаева и В. В. Гарденина: выписки из приказов, личные листки по учету кадров, трудовая и расчетная книжки, трудовые соглашения и договоры, характеристики, автобиографии, удостоверения, свидетельство, извещения, переписка, благодарственные и поздравительные письма, пригласительные билеты и др.

11. Издания и рукописи, собранные В. И. Суздальским (авторефераты диссертаций, монографии, очерки, статьи, доклады, учебные и методические пособия, указатели, каталоги, справочники, романы, пьесы, сценарии, повести, рассказы, поэмы, стихотворения, сборники фольклора, воспоминания, ноты альбома, буклеты и др.).

12. Музейные предметы (факсимиле, плакетка, значки, вымпел).

Таким образом, фонд В. И. Суздальского поражает своей широтой и уникальностью. В фонде собраны документы по истории культуры Сибири. Фонд, прежде всего, будет интересен исследователям, занимающимся историей театра Сибири.

Библиографический список

1. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 120.
2. Куперт, Т. Ю. Томские династии. XXвек / Т. Ю. Куперт. — Томск, 1996. — С. 81—82.
3. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2.
4. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 29.
5. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3, 12.
6. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 2—3.
7. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 42.
8. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 59.
9. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 72.
10. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед.хр. 25. Л. 3—4.
11. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп..1. Ед. хр. 175. Л. 23—82.
12. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 23.
13. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр.148—149.
14. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 54.
15. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 93, 95, 97—100, 103.
16. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 28.
17. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 30.
18. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 8, 11, 13.
19. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 34.
20. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 33.
21. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 35.
22. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 36. 38.
23. ГАТО. Ф. Р-1645. Оп. 1. Ед. хр. 37.
24. Томский вестник. — 1996. — 30 ноября.

МЕЛЬНИКОВА Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса.
Адрес для переписки: melnikovaelena2009@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2015 г.

© Е. В. Мельникова

Книжная полка

Ивченко, Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий / Л. Л. Ивченко ; ред. Л. Н. Денисова. — М. : Квадрига, 2015. — 384 с. — ISBN 978-5-91791-178-6.

Бородинское сражение — героическая страница русской истории, великая битва наполеоновской эпохи, символ чести и мужества. Бородино — достояние национальной культуры, превратившееся в легенду, более прочную, чем научные построения. Автор исследовал формирование комплекса знаний о битве, выявил источниковую базу историографических построений. Впервые была исчерпывающе изучена первичная документация. Картина битвы, созданная на основании системно выверенных исторических источников, позволяет доказательно утверждать, что решения русского командования были более взвешенными и продуманными, а действия войск — более осмысленными, профессиональными и результативными, чем это представлено в великой легенде.

Жирохов, М. А. Рождение советской штурмовой авиации. История создания летающих танков. 1926—1941 / М. А. Жирохов, ред. А. Ю. Безугольный. — М. : Центрполиграф, 2014. — 221 с. — ISBN 978-5-227-05654-2.

Советская штурмовая авиация сыграла выдающуюся роль в Великой Отечественной войне, став незаменимым средством авиационной поддержки наземных войск в наступательных и оборонительных операциях. В данной работе показан процесс зарождения штурмовой авиации в 1920—1930-х гг., возникновение и первая реализация идеи штурмовых действий, трудный путь, пройденный к созданию и освоению в производстве «летающего танка» — самолета-штурмовика. В книге проанализированы особенности организационной структуры штурмовой авиации в составе ВВС в предвоенный период, показана эволюция теоретических взглядов на ее боевое применение. На конкретных примерах внешних и внутренних вооруженных конфликтов, в которых участвовал СССР, проанализированы изменения в тактике использования штурмовиков.

УДК 811.111:165.0

Л. И. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Омский государственный технический университет

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПИСАТЕЛЯ КАК ОСНОВА КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В статье проведен лингвистический анализ текстового материала романов нескольких английских и американских писателей. Отмечена профессиональная подготовка авторов романов в соответствующих областях. Выявлена роль научно-технических терминов в когнитивном восприятии художественного текста.

Ключевые слова: информация, профессия, социальная позиция, функция, термин.

Цель данной статьи: провести анализ текстов художественных произведений на английском языке и выявить функции содержащихся в них научно-технических терминов, а также определить фактор влияния на информативность текстов.

Если в лингвистической литературе употребляется сочетание «когнитивные науки» [1, с. 6], значит, можно говорить о «когнитивных текстах». Когнитивная функция терминов заключается в создании условий получения информации о неизвестном читателю до сих пор: новых устройствах, приборах, процессах, технологических производственных ситуациях. В результате ознакомления с такими текстами создаётся синтез восприятия новой информации и тех или иных эмоций, получаемых во время прочтения текста. Наши исследования хорошо подтверждаются следующим утверждением: «...культурная информация, представленная в виде образов, символов, знаков и т.д., смысл которых в той или иной степени остаётся скрытым, неосознаваемым или неэксплицированным, может выступать эффективной доминантой индивидуального поиска, эмоциональным личностным мотивом, целиком и полностью вовлекающим субъекта в процесс познания и практического преобразования как природного мира, так и мира культуры» [1, с. 14]. В этом случае коллективные знания и достижения технического прогресса становятся достоянием личности (т.е. читателя).

Когнитивная интерпретация роли терминов в стиле художественной прозы поможет определить степень информативности текста, а также выявить потенциальные функции терминов. В результате исследования ряда художественных произведений следует отметить лингвистическую релевантность общности анализируемых художественных произведений, основанную на использовании научно-технических терминов. К ним относятся: роман Митчела Вилсона «Live with Lightning», Артура Хейли «Flight Into Danger» или «Runway Zero-Eight» и «Airport», Джеймса Олдриджа «Signed with their Honour», «I wish He would not Die» и рассказ «The Last Inch», Арчибальда Кронина «The Citadel».

Стоит обратить внимание на то, что названные писатели в перечисленных произведениях используют специальную терминологию профессионально: М. Вилсон — физик, он окончил два университета — Нью-Йоркский и Колумбийский и несколько лет преподавал физику в высших учебных заведениях США; А. Хейли и Дж. Олдридж — лётчики; А. Кронин — врач, поэтому они использовали профессиональный опыт во многих своих художественных произведениях. Профессионализм способствовал созданию произведений чрезвычайной реалистичности и социальной значимости.

Художественное мастерство писателей способствует познанию действительности и раскрытию образов героев благодаря тому, что переплетается с их научным мышлением.

Высокая художественность произведений заключается в портретных и поведенческих характеристиках персонажей, а социальная и информативная значимость — в описании событий, связанных с зарождением новой науки — ядерной физики и в постановке вопроса, принесёт ли она благо людям или уничтожение всего, что сделано ими, в романе М. Вилсона «Live with Lightning»; в описании поведения персонажей, представителей различных социальных групп в экстремальной ситуации в романе А. Хейли «Flight into danger»; в выражении авторской позиции по отношению к войнам в романах Дж. Олдриджа «Signed with their Honour» и «I wish He would not Die»; в выражении протеста по поводу отсутствия должной медицинской службы и помощи горнякам, работающим в чрезвычайно трудных условиях в романе А. Кронина «The Citadel».

Во всех художественных произведениях, написанных на тему, связанную с профессиональной подготовкой писателей, ярко прослеживается когнитивно-информационная функции научно-технических терминов. В захватывающих описаниях полётов и управления самолётами в рассказах Дж. Олдриджа «The Last Inch», в его романе «Signed with their Honour», а также в романах А. Хейли «Flight into danger» и «Airport» читатель извлекает огромное количество информации, которая в некоторой степени может служить пособием по вождению самолёта, конструкции тех лет, когда происходили события.

Одним из подтверждений профессионализма писателей является то, что, например, А. Хейли в начале романа «Flight into danger» вложил факт своей реальной биографии в слова главного персонажа Дж. Спенсера: «I used to fly fighters in the war» [2, p.15].

Описанные подробности показаний приборов перед взлётом мог бесспорно знать только специалист: «Putting out his right hand he» (Dun — командир самолёта. — **Л. В.**) «flicked the switches on the automatic pilot panel waiting each control became fully oriented and the appropriate indicator light gleamed to show that the next stage of the switching over could be started» [2, p. 38].

Также с сознанием лётного дела А. Хейли описывает ситуацию с застрявшим «Боингом» на взлётной полосе в романе «Аэропорт»: «Patroni intended to save the airplane if he could .... with chunky fingers spread, he eased the four main throttles forward. With power at midpoint, the clamor of all four engines grew. ... Now, power was past three quarters. From the high-pitched note of engines, he could tell it was more power than the Aereo-Mexican captain had used during the earlier attempt to get free. Vibration told why... it was shaking severely, with every portion of its upper area straining forward, resisting the anchoring effect of the wheels below. The airplane's inclination to stand on its nose was unmistakable» [3, p. 484].

Усилия механика Патрони увенчались успехом после того, как он нажал на все рычаги (snatched back all four throttles) и скомандовал выпустить закрылки («Flaps up»), после чего самолёт сдвинулся с места (the airplane shifted forward) [3, p. 488–489].

Когнитивная функция терминов в приведённом описании заключается в том, что читатель получает представление об одной из сторон деятельности людей, о которой он не знал или не мог знать до этого. Когнитивный эффект усиливается при знакомстве с такими специальными авиационными терминами, как flaps — закрылки; rudder control — штурвальная колонка; rudder pedals — педали руля; throttles — рычаги; sideways strain — боковой разворот; runway — рулежная дорожка, взлётно-посадочная полоса.

Информационная функция терминов в данном эпизоде заключается в том, что они способствуют раскрытию гражданской позиции автора романа. В авторской речи А. Хейли выразил своё профессиональное бережное отношение к технике, которую во что бы то ни стало надо было сохранить и не дать разрушиться самолёту: «Joe Patroni lived with thoughts of aircraft safety, which was the object of his daily work. It was simply that the idea of reducing an undamaged aircraft to a pile of scrap metal, or something close to it, was near-impossible for him to grasp. In Patroni's eyes, an aircraft — any aircraft — represented devotion, skill, engineering know-how, hours of labour, and sometimes love. Almost anything was better than its deliberate destruction. Almost anything» [3, p. 485].

Что касается научных терминов, то, как показывает исследование материала, их использование в художественных текстах в полной мере отражает профессиональную подготовку их авторов. Это проявляется в описании лабораторий, оборудования, приборов, проводимых испытаний, постановке исследовательских задач в романе М. Вилсона «Live with lightning». В соответствии с темой используются специальные термины физики: atomic, to accelerate, beam, bombarding, circuit, charge, ion, entropy, spectrum, radiation, particle, physicist, proton, nucleus, neutron, minute — мельчайший, hydrogen и многие другие.

Кроме того, большое количество собственных имён учёных, сделавших мировые открытия в различных теоретических науках, выполняют когнитивно-информационную функцию и говорят о высоком профессионализме писателя. Об этом говорит упоминание имени Гейзенберга, автора теории обменных сил, объясняющей природу взаимодействия частиц, входящих в состав атомного ядра [4, p. 614].

«Fax got a note from him yesterday and it seems that he's got an alternative theory to Heisenberg's exchange force» [5, p. 444].

Другим именем в той же функции является Шрёдингер — крупный физик-теоретик, сформулировавший основное уравнение квантовой механики (psi function) [4, p. 602]: «At that time Fabermacher..... might be able to generate a mathematical curve that would describe the distribution of packing fractions through the periodic table». «I'm not interested in the physical content of it right now», he said. «But I'd like to come up with something like Schroedinger's psi function» [5, p. 273].

Большой информационный эффект также достигается с помощью медицинских терминов в романе А. Кронина «Цитадель». Читатель узнаёт о многих заболеваниях людей, диагностика и профилактика которых профессионально описаны автором. Кроме терминов, называющих различные части тела и органы человека, таких как lungs, brest, knees, belly, knuckles, thyroid, автор неизбежно использует термины, выражающие понятия о тех или иных заболеваниях или повреждениях: typhoid fever — брюшной тиф; nystagmus — воспаление глазного яблока; sprain — растяжение, вывих; gout — подагра; inflammation of the pancreas — воспаление поджелудочной железы; anemia — малокровие; asphyxia pallida — нарушение кислородного обмена мозга; bronchiectasis — бронхоэктаз и многие другие [6].

При внимательном исследовании текстов художественных произведений перечисленных писателей были выявлены ситуации, указывающие на профессию и образование самих авторов. Как известно из биографии М. Вилсона [7, с. 4], он окончил Колумбийский университет и стал специалистом в области физики. Написав книгу о жизни и работе учёных в области ядерной физики, он связывает имя своего главного героя с учебным заведением, которое окончил сам: «You see, I was absolutely broke, when Hollingworth – Professor Hollingworth — told me at commencement that I had got the appointment here. I won't even tell you what that meant to me — to study physics at Columbia » [5, p. 11].

Название знаменитого учебного заведения, где будущий автор романа приобрёл свою специальность, упоминается не раз: «We'd be willing to settle for a man who's fulfilled all the requirements for one. In your case here at Columbia, we'd expect you to finish all your courses and research, and have the research accepted. Then you could write up your thesis and prepare for your finals out there on the job» [5, p. 173].

Известный английский писатель Дж. Олдридж первоначально окончил Оксфордский университет и работал в нескольких английских газетах [8, с. 758]. Затем он окончил школу лётчиков и с начала Второй мировой войны, с 1939 года, стал военным корреспондентом. Поэтому боевые события тех лет так наглядно и талантливо описаны в его романах «The Sea Eagle» и «Signed with their Honour». Описание воздушных боёв в романе «Дело чести» поражает читателя обилием специальных авиационных и общетехнических терминов, таких как пикирование — dive, поворот Иммельман — Immelmann turn, полубочка — snap half-roll, двойная бочка — snap-roll, бочка на элеронах — aileron roll, тяга — throttle, педаль рычага управления — rudder и многие другие [9, p. 50–51; 10].

Своё резко отрицательное отношение к войне Олдридж выразил с позиции своей профессии лётчика. Свои мысли он передал, создавая образ главного героя романа — английского лётчика, воевавшего в Греции в 1940 году, Джона Квейля, а также других персонажей. Весь ужас войны передаётся в авторском описании того, что увидела подруга Квейля, Елена: «She could see all the blood in the burning and the fire in the background and the bombings and the wounded pouring into the hospital and the confusion, the hopelessness and men in the hills and death there, with yellow limbs decaying» [11, p. 36].

Профессионализм другого английского писателя, А. Кронина, помогает дать читателю обширную информацию о состоянии медицинского обслуживания шахтёров в романе «Цитадель». Практический опыт работы в госпитале для инвалидов войны, судового врача, а также санитарного врача в угольных копях [12, с. 14] позволил ему реалистично описать события. Все эпизоды, связанные с деятельностью врачей и изобилующие специальными медицинскими терминами, являются автобиографическим триумфом писателя.

А. Кронин также отражает факты своей биографии в характеристике главного героя романа Эндрю Мэнсона, говоря о том, что он доктор медицины, член Королевского терапевтического общества: «Because of his M.D., M.R.C.P., he wanted ... non-dispensing practice. He wanted to be free of the tyranny of the card system» [13, p. 260].

Кроме того, профессионализм писателя в области медицины позволяет ему выразить своё критическое отношение к плохому состоянию медицины тех лет, и он прямо говорит словами своего героя о негодности всей существующей системы: «The way these old fellows hang on with their back teeth. And you can't prise them loose unless you've got money. Isn't that an indictment of our system?» [Там же].

Критика системы медицинского обслуживания широко раскрывается с помощью стилистического приёма изображённой речи главного героя: «It's the system he thought savagely, its senile. There ought to be some better scheme, a chance for everybody» [13, p. 265].

В результате данного исследования можно сделать вывод о том, что научное познание осуществляется не только на восприятии научных текстов. Когнитивная информация широкомасштабно содержится и передаётся в художественных текстах. Лингвистический анализ художественного дискурса показывает, что он раскрывает многочисленные сферы общественной деятельности и сознания людей и создаёт когнитивно-личностные и когнитивно-мировоззренческие аспекты в научном познании.

Библиографический список

1. Меркулов, И. П. Научное познание: когнитивно-эволюционный ракурс / И. П. Меркулов // Научный прогресс. Когнитивные и социокультурные аспекты : сб. — М. : ИФ РАН, 1993. — 195 с.
2. Hailey, A., Castle, J. Flight into danger [Text] / A. Hailey, J. Castle. — London : Pan books, 1976. — 139 p.
3. Hailey, A. Airport [Text] / A. Hailey. — N-Y. : Doubleday, 1968. — 501 p.
4. Вейзе, А. Commentary / А. Вейзе // Wilson, M. Live with Lightning. — M. : Foreign Languages Publishing House, 1957. — P. 585—622.
5. Wilson, M. Live with Lightning [Text] / M. Wilson. — M. : Foreign Languages Publishing House, 1957. — 622 p.
6. Stedman's medical dictionary. Англо-русский медицинский энциклопедический словарь. — М. : Медицинское изд-во «ГЭОТАР», 1995. — 716 p.
7. Корнилова, Е. Предисловие / Е. Корнилова // Wilson, M. Live with Lightning. — M. : Foreign Languages Publishing House, 1957. — P. 3—14.
8. Петрова, Е. О Джеймсе Олдридже и его книгах / Е. Петрова // Олдридж, Дж. Дело чести. Охотник. Не хочу, чтобы он умирал : избр. романы ; пер. с англ. — Л. : Лениздат, 1958. — P 756—771.
9. Aldridge, J. Signed with their Honour [Text] / J. Aldridge. — Boston, USA : Little, Brown and Company, 1942. — 392 p.
10. Англо-русский авиационный словарь / Под ред. А. М. Мурашкевича. — М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. — 687 с.
11. Олдридж, Дж. Дело чести и другие произведения / Дж. Олдридж. — М. : Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1951. — 201 с. (на англ. языке).
12. Гусева, Е. Предисловие / Е. Гусева // Cronin, A. The Citadel. — M. : Foreign Languages Publishing House, 1963. — P. 3—17.
13. Cronin, A. The Citadel [Text] / A. Cronin. — M. : Foreign Languages Publishing House, 1963. — 475 p.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ Любовь Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры иностранных языков.

Статья поступила в редакцию 19.11.2015 г.
© Л. И. Воскресенская

Книжная полка

Никонова, М. Н. Современный русский язык : учеб. электрон. изд. локального распространения : учеб. пособие / М. Н. Никонова. — Омск, 2014. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM). — ISBN 978-5-8149-0562-8.

Пособие содержит курс лекций, кратко, в доступной форме, с использованием традиционных лингвистических терминов излагаются основы теории языка и представляются все разделы современного русского языка. Включен практикум, в котором представлены как теоретические вопросы, так и практические задания, способствующие овладению основами теоретических знаний по лингвистике и применению их в практической деятельности студента в вузе, а также развитию профессиональной компетенции будущего специалиста. Содержатся материалы для самостоятельного освоения дисциплины. В частности, даются рекомендации по выполнению практических заданий, курсовой работы и домашних заданий, по самостоятельному освоению теоретического материала. Представлен перечень экзаменационных вопросов. В приложении приводятся планы и образцы разбора языковых единиц, а также дан образец оформления библиографической карточки. Предназначено для студентов специальности 030602 «Связи с общественностью».

УДК 81'255

М. В. МОИСЕЕВ

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается отражение в языке и дискурсе стереотипов представителей английского этноса, проживающих в определенных регионах Великобритании и США. Сопоставляются существующие классификации стереотипа, рассматриваются их достоинства и недостатки. Обосновывается отличие этнорегиональных стереотипов от этнических и отличие языковых стереотипов от дискурсивных. Выделяются подгруппы этнорегиональных стереотипов и их характерные маркеры.

Ключевые слова: этнорегиональные стереотипы, английская лингвокультура, стереотипы-образы, стереотипы поведения.

Существует несколько классификаций стереотипов, в которых выделяются различные виды стереотипов. В наиболее известной типологии стереотипов В. В. Красных стереотипы делятся на стереотипы поведения и стереотипы-представления, причем последние подразделяются на стереотипы-образы и стереотипы-ситуации [1, с. 233]. Эта классификация основана на форме хранения стереотипа в сознании носителя лингвокультуры и отражает результат процесса стереотипизации. Недостаток данной типологии заключается в том, что в ней не учитываются категории объектов, процессов и явлений окружающей человека действительности, отражающиеся в сознании в виде стереотипов.

Преимуществом типологии О. А. Леонтович, сформировавшейся в процессе исследования межкультурной коммуникации, является ориентация на категории объектов, подвергшихся процессу стереотипизации. В ней выделяются следующие виды стереотипов: расовые, этнические, географические, гендерные, социальные, политические, профессиональные [2, с. 240]. Эта классификация характеризуется некоторой нечеткостью, так как не учитывает различия в стереотипе всего этноса как целого и стереотипов представителей данного этноса, проживающих в определенном регионе страны. Например, О. А. Леонтович в качестве примера этнического стереотипа приводит характеристику Pennsylvania Dutch (потомков эмигрантов, покинувших Голландию по религиозным убеждениям и проживающих в штате Пенсильвания) [2, с. 307]. Они отличаются по языковым характеристикам и манере одеваться как от остальных жителей США, так и от современных голландцев, поэтому не могут соотноситься со стереотипом целого этноса. К этническим стереотипам следует относить только те случаи, когда в стереотипе отражаются свойства, приписываемые всей нации (этносу). Например: to assist in the French sense, to get one's Irish up, Dutch courage, Mexican breakfast и т.д. Эти случаи явно отличаются от фиксации в языке и дискурсе особенностей, присущих представителям этноса, обитающим в отдельно взятом регионе, так как в таких стереотипах отражаются дифференциальные признаки, приписываемые жителям именно этой части этноса. Например, фразеологизм to come Yorkshire over somebody отражает стереотип английской лингвокультуры жителей графства Йоркшир как больших хитрецов. Фразеологизм I'm from Missouri основан на стереотипизированном представлении в американской лингвокультуре о жителях штата Миссури как о недоверчивых, скептических людях. Кроме того, представляется неточным сам термин «географический стереотип», потому что география не является источником стереотипов и объектом стереотипизации.

Выдающийся лингвист Ежи Бартминьский, исследуя репрезентацию стереотипов в польском языке, выделил группу стереотипов жителей некоторых регионов и местностей [3, с. 180]. Такой подход позволяет рассматривать в качестве особой группы стереотипы, фиксирующие устойчивые ассоциации, соединяющие в когнитивной базе среднего носителя лингвокультуры определенные свойства или признаки с представителями этноса, обитающими в отдельном регионе. Поэтому было предложено определить данную группу как «этнорегиональные стереотипы» [4, с. 165].

Основную функцию этнорегиональных стереотипов можно характеризовать как эталонную, потому что в основном они закрепляют в сознании носителей языка устойчивые ассоциации того или иного свойства именно с жителями региона, которые выступают в качестве образцового группового носителя данного признака. Так, одним из основных дифференциальных признаков стереотипа шотландца в английской лингвокультуре, который можно выделить в результате анализа английского юмористического дискурса (анекдотов, шуток и т.п.), является скупость. Это можно считать примером национального или этнического стереотипа, так как объектом стереотипизации является весь этнос шотландцев. Но сами шотландцы рассказывают анекдоты не о скупости всей нации, а о скупости жителей города Абердин. «In Scotland the Scottish joke is replaced by the Aberdeen joke» [5, p. 5]. В данном случае этнорегиональный стереотип жителя Абердина выступает в качестве эталона скупости. В Шотландии даже существует поговорка «It's so quiet, it's like Aberdeen on a flag day» [5, p. 5].

В отдельных случаях этнорегиональные стереотипы могут иметь клишированную языковую форму и являться единицами языка (это относится в основ-

ном к фразеологизмам): Liverpool wash, Liverpool kiss, Glasgow kiss, a Philadelphia lawyer и т.д. В таком случае их можно отнести к языковым стереотипам. Другие этнорегиональные стереотипы не обладают устойчивой языковой формой и находят свое выражение в дискурсе, поэтому их можно отнести к стереотипам дискурса. В отличие от языковых стереотипов, которые реализуют, как правило, один дифференциальный признак стереотипа (хитрость йоркширцев, недоверчивость жителей штата Миссури и т.д.), стереотипы дискурса могут реализовать любой набор дифференциальных признаков. «Visiting New Yorkers — pale, tetchy, chain-smoking, dressed entirely in black — do well here» [6, p. 140]. Основное отличие языковых этнорегиональных стереотипов от стереотипов дискурса заключается в том, что первые имеют фиксированную языковую форму, как правило, отраженную в словарях. Например: people north of Watford (провинциалы), enough to puzzle a Philadelphia lawyer (сложное, запутанное дело). Тогда как стереотипы дискурса реализуются в речи в виде свободного набора лексических единиц, отражающих те или иные признаки стереотипа. Например, «I don't know if you know these Shropshire fellows at all, Pilbeam, but they can be as obstinate as Scotsmen» [7, p. 195].

Маркерами этнорегиональных стереотипов в Великобритании являются в основном названия городов (Liverpool, Glasgow, Aberdeen), реже графств (Yorkshire). В американском варианте английского языка чаще в качестве маркеров этнорегиональных стереотипов выступают названия штатов и отдельных районов городов (Missouri, Bronx cheer).

Все этнорегиональные языковые стереотипы можно разделить на две подгруппы: стереотипы-образы и стереотипы поведения. Стереотипы-образы отражают представление об специфических чертах, составляющих образ представителей этноса, проживающих в определенных регионах, закрепленный в данной лингвокультуре. Например, фразеологизм «a Philadelphia lawyer (человек с острым умом, продувная бестия)» отражает стереотип-образ адвоката из Филадельфии, закрепленный в американской лингвокультуре, специфическими признаками которого являются острый ум, изворотливость и хитрость адвокатов именно из Филадельфии. Фразеологизм «people north of Watford» отражает стереотип-образ людей, проживающих к северу от города Вэтфорда, закрепленный в британской лингвокультуре, признаками которого являются провинциальные манеры, отсталость от последних тенденций или ограниченный кругозор.

Стереотипы поведения отражают представления об особенностях поведения представителей этноса, специфичных для определенного региона, закрепленных в языковой картине мира данной лингвокультуры. Например: Liverpool wash, Liverpool kiss, Glasgow kiss. Так, фразеологизм «Liverpool wash (кое-как ополоснуться)» отражает стереотипизированное представление об особенностях поведения, типичных для жителей Ливерпуля (их нежелание тщательно умываться), закрепленное в британской лингвокультуре. Фраза «I'm from Missouri; you've got to show me» отражает такую особенность поведения жителей штата Миссури, как недоверчивость, желание увидеть собственными глазами.

Следовательно, основное отличие языковых форм фиксации стереотипов поведения от языковых стереотипов-образов связано с их природой и структурой. Если стереотипы-образы отражают стереотипизированные признаки отдельного сегмента этноса, и их структура образована дифференциальными признаками, отличающими данный сегмент от всего этноса, то стереотипы поведения фиксируют особенности поведения сегмента этноса, а их структура включает отражение данных поведенческих особенностей. Это различие заметнее всего проявляется при сопоставлении сходных языковых форм фиксации стереотипов, относящихся к разным подгруппам.

Рассмотрим две формы: Sloane Ranger, представляющую собой этнорегиональный стереотип-образ, и Soanly Ranger, относящуюся к стереотипам поведения. Sloane Ranger относится к этнорегиональным стереотипам, так как отражает специфичные черты жителей Лондона, принадлежащих к одному социальному слою британского общества (upper-class), представители которой, как правило, проживают в престижной части столицы Великобритании (Sloane Square). Структура данного стереотипа образована дифференциальными признаками, фиксирующими особенности восприятия этого сегмента британского социума остальными носителями английской лингвокультуры. Дефиниционный анализ статьи в английском лингвокультурном толковом словаре «The Concise Oxford Dictionary of Phrase and Fable», объясняющей понятие Sloane Ranger как «a fashionable upper-class young person (typically a woman) of independent means, especially one living in London» [8, p. 493], позволяет четко выделить дифференциальные признаки, образующие структуру данного стереотипа. Эти признаки имеют различный характер. «Fashionable» и «upper-class» относятся к признакам, характеризующим социальное положение членов группы, «young» — к возрастным признакам, «typically a woman» — к гендерным. «Of independent means» и «especially one living in London» указывают на финансовое положение и территориальное местонахождение типичных представителей группы соответственно.

Языковая форма Soanly Range отражает стереотип сходной, но занимающей более низкое положение в английском обществе социальной группы («similar to but slightly downmarket from the Sloane Rangers») [9, p. 346]. Она возникла в результате фиксации в языковом сознании носителей английской лингвокультуры особенностей речевого поведения ее представителей, обитающих в районах, расположенных поблизости от фешенебельной Sloane Square, но более дешевых, а следовательно, не таких престижных. Словарь новых слов английского языка отмечает, что название этой группы возникло в связи с характерным для ее представителей стремлением, подчеркнуть свою территориальную, а следовательно, и социальную близость к более аристократическим слоям общества. «The name, based of course on Sloane Ranger, derives from the fact that the Soanlies explain their location by saying that "it's only ten minutes from Sloane Square"» [9, p. 346]. В беглой разговорной речи «it's only» сливается в Soanly. Следовательно, данная языковая форма стереотипа возникла как отражение специфических черт поведения сегмента английского этноса. Ее семантическая структура, соответствующая стереотипу поведения, обусловлена именно этим фактором, так как фиксирует репрезентацию данной группы в языковой картине мира носителей английской лингвокультуры как людей, отличительным признаком поведения которых является стремление отождествить себя с группой, занимающей более высокое социальное положение.

Таким образом, можно сделать вывод, что, во-первых, природа и структура языковых этнорегиональных стереотипов-образов и стереотипов поведения различаются и, во-вторых, что для британского и американского вариантов английской лингвокультуры присущи свои этнорегиональные стереотипы-образы и стереотипы поведения. Последнее является еще одним подтверждением существования двух вариантов английской лингвокультуры: британского и американского.

Библиографический список

1. Красных, В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : ИТДГК Гнозис, 2003. — 375 с.
2. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : моногр. / О. А. Леонтович. — М. : Гнозис, 2005. — 352 с.
3. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский ; пер. с пол. — М. : Индрик, 2005. — 528 с.
4. Моисеев, М. В. Сопоставительная лингвокультурология английского и русского языков : учеб. пособие / М. В. Моисеев, Н. Г. Гичева. — Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. — 186 с.
5. Mitchell, R. What's Under the Kilt? 3-d edition / R. Mitchell. — Edinburgh : The Cadies and Witchery Tours, 2007. — 23 p.
6. Jones, L. New Progress to First Certificate: Student's Book / L. Jones. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 209 p.
7. Wodehouse, P. G. Heavy Weather / P. G. Wodehouse. — Harmondsworth : Penguin Books Ltd, 1978. — 249 p.
8. The Concise Oxford Dictionary of Phrase and Fable. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 598 p.
9. Эйто, Дж. Словарь новых слов английского языка / Дж. Эйто. — М. : Рус. яз., 1990. — 434 с.

МОИСЕЕВ Михаил Владимирович, кандидат филологических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой английской филологии.
Адрес для переписки: mikh.moiseev2015@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2015 г.

© М. В. Моисеев

УДК 82.09

А. А. ПАЛИЙ

Омский государственный педагогический университет

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О РОМАНЕ ДЖЕЙН ОСТИН «МЭНСФИЛД ПАРК»: БОРЬБА МНЕНИЙ И ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В статье дается обзор критических высказываний о романе Джейн Остин «Мэнсфилд Парк». Представлены основные исторические этапы его осмысления в XIX—XX вв. и начале XXI в.

Ключевые слова: Джейн Остин, Мэнсфилд-Парк, критический анализ, роман, Сэнди Берн, героиня-морализатор.

Роман Джейн Остин «Мэнсфилд Парк», с точки зрения историков литературы и литературных критиков, является одним из наиболее дискуссионных произведений писательницы. Спорят больше всего о характере главной героини Фанни Прайс, тех идеях, которые выражены в ее образе.

Преподаватель Оксфорда, а затем университета г. Линкольна Сэнди Берн (Sandie Byrne) выпустила сборник, состоящий из статей и отдельных высказываний критиков, писателей, литературоведов о романе «Мэнсфилд Парк».

Посвященные выдающимся произведениям мировой литературы, такого рода путеводители знакомят с историей изучения творчества того или иного писателя.

Дать обзор путеводителя С. Берн, представить оценки романа «Мэнсфилд Парк» на протяжении XIX—XX, начала XXI вв. — в этом заключаются цель и задачи данной статьи.

Книга состоит из введения и семи глав, в основу изложения материала положен хронологический принцип: читателя знакомят с трактовкой романа в 30-е—70-е гг. XIX в. (главы 1—2), далее конца XIX — начала XX в. (гл. 3), затем на протяжении XX—начала XXI века, вплоть до анализа киноэкранизаций романа.

Еще в 20-е гг. XIX в. роман высоко оценивался критиками-профессионалами (например, Richard Whately в *Quarterly Review*, January, 1821) и читателями, о чем свидетельствуют отрывки из писем, приводимых составителем сборника.

Вместе с тем положение Джейн Остин (как женщины-писательницы) в английской литературе было достаточно скромным. В 30-е — 60-е годы XIX века критики занимались сравнением ее произведений с книгами Ф. Берни и М. Эджворт, сосредоточившись на таких романах как «Эмма» и «Гордость и предубеждение», «Мэнсфилд Парк» дождался за-

служенного к себе внимания лишь в 70-е годы. В 30-е же и в 40-е годы Дж. Остин подвергалась критике за то, за что в XX веке ее стали считать подлинно современным писателем: за пристальное внимание к внутренней жизни персонажей и мотивации их поступков.

В 40-е годы Дж. Остин удостоилась высокой оценки своего таланта со стороны Т. Маколея, знаменитого историка, политика и социолога. Он видел ее заслугу в умении представить каждого персонажа как неповторимую индивидуальность.

В середине XIX в. обязательным для критиков стало сравнение Джейн Остин с Шарлоттой Бронте (страстно романтический взгляд на мир одной из них и изысканно аристократический — другой).

В 70-е годы XIX в. известный шекспировед Ричард Симпсон одобрительно отозвался о трактовке религиозных деятелей в романа Остин и о прагматичной, лишенной романтизма трактовке любви в ее произведениях.

В 1870 году вышло первое издание «Мемуаров» племянника Джейн Остин Джеймса Эдварда Остин-Ли, за ним последовало второе репринтное издание, куда вошли неопубликованные или незавершенные романы «Леди Сьюзен», «Уотсоны», «Сэндитон». Как замечает Сэнди Берн, сама Джейн Остин вряд ли узнала бы себя в этих мемуарах. В них зато был создан исключительно положительный образ набожной, религиозной тетушки Джейн и ничего не говорилось о ее остром язычке. Этот образ должен был удовлетворять вкусам викторианской публики. Джейн Остин была представлена в «Мемуарах» как изысканная, утонченная, добродетельная дама, чьи книги были вполне подходящими для семейного чтения.

Возникновение образа «милой Джейн» можно датировать выходом «Мемуаров» — замечает С. Берн и добавляет, что подобное представление о писательнице подтверждалось высказываниями критиков, таких, например, как Р. Хаттон. Он писал о характерном для Джейн Остин успокаивающем юморе и мягкой иронии, которые свидетельствовали об отсутствии презрения и отвращения к человеческой природе, характерных для сатиры.

Дочь У. Теккерея Анна представила еще более сентиментальный портрет Джейн Остин, говоря о ее сладостной и безобидной, как у горлицы, жизни.

К началу XX века преклонение перед талантом Дж. Остин было окончательно установлено, в том числе и в аристократической среде.

Необходимость аналитической критики произведений писательницы утверждал Генри Джеймс. Он, в частности, затронул проблему отношений Дж. Остин и ее читателей.

К концу XIX — началу XX века английский язык и литература вошли в университетские курсы, студенты начали изучать творчество Дж. Остин как один из академических предметов. Появились академические труды, посвященные ей, например, курс лекций Э. С. Брэдли в Кембридже. Он анализирует романы писательницы, изучает влияние С. Джонсона и У. Каупера на нее, анализирует эволюцию ее как писателя и, в частности, высоко оценивает как «Мэнсфилд Парк», так и «Эмму».

А. С. Брэдли увидел в Джейн Остин не столько моралиста, сколько юмориста, но при этом заметил, что к роману «Мэнсфилд Парк» и его героине писательница отнеслась с необычайной серьезностью. С точки зрения А. С. Брэдли, «Мэнсфилд Парк» превосходит в значительной степени романы первого периода творчества в какой-то мере более поздние романы, такие как «Эмма» и «Доводы рассудка».

Спустя два года после выхода лекций Брэдли родственники Джейн Остин опубликовали в 1913 г. книгу «Джейн Остин. Ее жизнь и письма. Семейные записки», в которых был создан менее сентиментальный и окрашенный уже в менее пастельные тона портрет писательницы.

Следующим краеугольным камнем, легшим в основание научных изысканий творчества Дж. Остин, стала работа Реджинальда Фаррера, опубликованная в Quarterly Review в июле 1917 г., в столетнюю годовщину со дня смерти писательницы. Р. Фаррер указал на то, что время высветило подлинные масштабы таланта Джейн Остин, который, по его мнению, занимает в английской прозе то же место, что принадлежит Мильтону в английской поэзии. Выше всех романов писательницы Р. Фаррер ставит «Мэнсфилд Парк». «Ни один из ее романов не является столь блестящим в каждой своей части, не выявляет высочайшее техническое мастерство и такой тесный контакт с каждым персонажем», — пишет он [1, p. 48].

Пришедшие в литературу в 20-е годы модернисты по-разному относились к творчеству Джейн Остин: Вирджиния Вульф высоко ценила художественные достоинства романов писательницы, Дэвид Лоуренс отзывался о ней пренебрежительно.

Оценка Арнольда Беннета, данная им в колонке «Книги и личности» в газете Evening Standard также была далека от восторженности. Сестрам Бронте он давал более высокую оценку, чем Джейн Остин, хотя и признавал общий высокий уровень ее романов.

Споры между восторженными поклонниками Джейн Остин и скептиками продолжались на протяжении первой половины XX века и только начиная с его середины методы современного литературного анализа и приемы психологического анализа позволили дать объективную оценку литературному наследию Джейн Остин.

Четвертая глава сборника посвящена разбору критических работ о творчестве Джейн Остин и, в частности, о романе «Мэнсфилд Парк», появившихся в середине XX века.

В 1939 году вышла книга Мери Ласселз «Джейн Остин и ее искусство». Это была первая полномасштабная академическая работа, в которой романы писательницы, введенные в исторический и биографический контекст, подвергались критическому анализу.

М. Ласселз указала пути дальнейших изысканий творчества писательницы, но следующим шагом в развитии критического осмысления ее романов стали труды по их психологическому, а не текстуальному анализу. Д. У. Хардинг в лекции, прочитанной в 1939 г. в Манчестере, а затем изданной в 1940 г. в Кембридже в виде эссе, утверждал, что Джейн Остин стала писателем-классиком для общества, разрушению которого способствовало ее к нему отношение. Хардинг предложил строго объективный подход к анализу романов Джейн Остин, и одно из центральных мест в этом анализе он отвел роману «Мэнсфилд Парк», проблеме характеров Фанни Прайс и Мери Кроуфорд. Хардинг называет «Мэнсфилд Парк» потенциально прекрасным романом, но безупречность характера Фанни считает его главной неудачей.

В конце 40-х, в 50-е и до начала 60-х годов XX в. в критике наметилась тенденция к пересмотру сложившихся представлений о Джейн Остин и основных

мотивов ее творчества. Лорд Сейнтсбери сравнил ее со Свифтом, Р. Фаррер обнаружил безжалостность и презрение в некоторых из ее трактовок, Джулия Кэвенах нашла ее суровой, а Маргарет Олифант писала о ее «мягком цинизме». Средством выражения суровости, презрения или цинизма стала у Джейн Остин ее ирония.

Лайонел Триллинг, подмечая иронию во всех романах писательницы, говорит, что «Мэнсфилд Парк» представляет исключение, здесь иронии он не находит.

Ирония в произведениях Остин — отправной пункт рассуждений Марвина Мадрика (Marvin Mudrick). В своей книге 1952 года «Джейн Остин: ирония как защита и открытие» он утверждает, что для Остин ирония была оружием, с помощью которого она защищала себя.

М. Мадрик видит в романе «Мэнсфилд Парк» и отход от свойственного Остин иронического подхода. Он утверждает, что Фанни Прайс не героиня Джейн Остин, она менее привлекательна, чем отличающаяся живостью ума Мери Кроуфорд. М. Мадрик приводит некоторые комментарии, грубоватые и даже жестокие, из писем Джейн Остин, которые и доказывают, по мнению критика, тот факт, что Мери Кроуфорд была ближе самой писательнице, чем Фанни Прайс.

М. Мадрик убежден, что догмы, которым следует Фанни Прайс, неубедительны, в атмосфере этих догм жила сама Джейн Остин, но ее искусство не было частью этих догм. Ирония была внутренним принципом писательницы, но в «Мэнсфилд Парке» она от него отказалась.

В книге 1967 года «Читая «Мэнсфилд Парк» ее автор Флейшман (Fleishman), опираясь на методологию структурализма и методику психоанализа, доказывал, что вся история Фанни Прайс, движение сюжета в романе представляет не только повторение сюжета сказки о Золушке, но и обращение к древнему сюжету о наследственном праве единокровных и единоутробных родственников. Как поясняет Флейшман, Фанни наследует не поместье, а положение в семье. Перемещение персонажей в пространстве и перемены в положении Фанни в семье Бертрамов и создают движение сюжета в «Мэнсфилд Парке».

С конца 60-х и на протяжении 70-х годов XX века продолжали выходить многочисленные собрания критических статей о романах писательницы и в частности о проблемах романа «Мэнсфилд Парк». В 70-е годы такие литературоведы, как Мэрилин Батлер и Алистер Дакворт обратились к историческому и даже политическому фону, характерному для романов писательницы, и в частности для «Мэнсфилд Парка».

Так, Дакворт пишет, что в романе подробно затрагивается функция поместья, социальной ответственности его владельца.

Свое отражение находит в романе популярная в английском обществе XVIII века тема различных усовершенствований в хозяйстве и укладе жизни. Выразителем этих модных идей выступает в романе Генри Кроуфорд. Как пишет А. Дакворт, изменения, которые предлагают брат и сестра Кроуфорды, являются сигналом радикального отношения к культурному наследию.

Другой исследователь творчества Джейн Остин Р. Ф. Бриссенден (R. F. Brissenden) в очерке «Мэнсфилд Парк»: свобода и семья» (1975) подробно останавливается на развязке сюжета. Он сравнивает Генри Кроуфорда с Ловеласом, героем романа Ричардсона «Кларисса», и на основании того, что в романе Джейн Остин главной героине удается счастливо пережить все невзгоды, не быть погубленной, как это случилось с Клариссой, делает вывод о том, что «Мэнсфилд Парк» скорее комическое, а не трагическое произведение.

К числу наиболее влиятельных монографий, вышедших в год 200-летия со дня рождения писательницы, составительница сборника Сэнди Берн относит книгу Мэрилин Батлер «Джейн Остин и война идей».

М. Батлер констатирует, что к 1975 году роман «Мэнсфилд Парк» занял центральное положение среди произведений Джейн Остин, т.е. стал той ее книгой, по которой судят о философии ее искусства.

М. Батлер рассматривает во всех деталях три основные темы и сюжетные линии романа: природу, религию, брак, и анализирует роль Фанни Прайс в раскрытии этих тем. Поскольку основные качества ее характера определяют тональность всего произведения, внутренняя речь Фанни становится доминантой повествования. М. Батлер убеждена, что центральные темы романа трактуются в духе евангелического направления в христианстве. М. Батлер считает лучшей частью романа — первую, где роль Фанни незначительна, в целом же ее как героиню она относит к неудачам романа. В работе 1987 года «Джейн Остин и государство», автором которой была Мери Эванс, предпринята попытка социологического анализа, а именно анализа отношения героинь к институту собственности. Мери Эванс высказала ту мысль, что роман «Мэнсфилд Парк» является наиболее идеологичным из всех, написанных Джейн Остин, поскольку в нем она, по мнению Мери Эванс, выразила свои взгляды на правильное (proper) устройство общества. Она утверждает, что взгляды Джейн Остин являются антитезой и романтическому индивидуализму и рыночной экономике XVIII века. Она находит, что Дж. Остин в своих романах защищает идеи либерализма. Мэри Эванс полагает, что за сто лет до З. Фрейда Дж. Остин уяснила, что цивилизованность выражается не в немедленном удовлетворении человеческих инстинктов, а в их сублимации. Она показала (как и Фрейд), что подавление свободы таит в себе опасность. Такую опасность таил в себе жесткий авторитаризм сэра Томаса Бертрама в Мэнсфилд-Парке. И далее она уточняет, что либеральной Джейн Остин можно считать потому, что она не идеализирует семейную жизнь и не считает брак единственной формой социализации для людей. Остин защищает согласие, сбалансированность в человеческих отношениях. Как считает Мери Эванс, Джейн Остин отдавала себе отчет в том, что моральные ценности таких ее героинь, как Фанни Прайс или Элеонора Дэшвуд, были неподходящими в обществе, базировавшемся на принципах рыночной экономики конца XVIII — начала XIX века. Зато в полном единстве с ними были героини типа Мери Бертрам или миссис Джон Дэшвуд.

Далее составитель сборника останавливается на работах 80-х годов, написанных с позиций феминизма. К ним можно отнести книги Лерой, У. Смита «Джейн Остин и драма женщины» (1983), Маргарет Кирхэм «Джейн Остин. Феминизм в художественной литературе» (1983), К. Л. Джонсон «Джейн Остин. Женщины, политика и роман» (1988).

Маргарет Кирхэм относит творчество Джейн Остин к традициями феминистских идей XVIII века, провозглашенных Мери Уолстонкрафт. А вот Мери

Пуви в своей книге «Настоящая леди и женщина-писательница» (1984, Mary Poovey *The Proper Lady and the Woman-Writer*) замечает, что Фанни Прайс демонстрирует стародавние моральные ценности.

Составитель сборник Сэнди Берн перечисляет и другие публикации 80-х годов XX в., упоминает и книгу Тони Тэннера «Джейн Остин» (1986). Сравнивая трилогию Форда Мэдокса Форда «Конец рая» с романом Джейн Остин, Тони Тэннер видит их сходство в том, что в каждом из романов запечатлен конец эпохи. В «Мэнсфилд Парке» запечатлена Англия конца XVIII века, дающая дорогу наступающему XIX веку, у Форда М. Форда изображена Англия XIX века, уступающая место веку XX, накануне Первой мировой войны.

Эту мысль развивал еще Лайонел Триллинг в книге 1972 г. «Искренность и аутентичность» (Sincerity and Authenticity). Триллинг, этот последний, по мнению Сэнди Берн, критик-философ, стремившийся извлекать из произведений литературы уроки морали, находил в романах Джейн Остин порицание всего, что угрожало порядку, гармонии, спокойствию старинных домов и усадеб. А борьба Фанни Прайс с теми искушениями, которые навязывали ей родственники, была борьбой уходящего века против угроз века наступающего.

Сэнди Берн начинает шестую главу сборника с утверждения того факта, что в конце XX века критики и литературоведы не могли больше рассматривать текст художественного произведения в отрыве от исторического и культурологического контекстов.

Так, автор книги «Джейн Остин и репрезентация Англии эпохи регентства» (1994) Роджер Сейл видит связь семейного уклада жизни в Мэнсфилд-Парке с внутренней политикой эпохи регентства, а Эдвард Сэд увидел связь романа с имперской политикой Англии в ту эпоху.

Э. Сэд выдвигает тезис о том, что эпизод поездки сэра Томаса на плантации в Вест-Индии указывает на то, что Джейн Остин понимала важность имперских колоний для состояния внутренних дел в самой Англии. Семейство сэра Бертрама не могло бы обладать столь высоким социальным статусом, не будь работорговли, сахарных плантаций и колониальных плантаторов как класса. Э. Сэд утверждает, что внимательное прочтение романа «Мэнсфилд Парк» позволяет почувствовать атмосферу того общества, в котором сосуществовали идеи расового превосходства в среде колониального чиновничества и военных стратегов, но также и моральные ценности интеллектуалов, образованных людей, почитателей литературы и утонченного стиля.

Сэнди Берн обращает внимание читателей и на книгу М. А. Стюарт (M. A. Stewart) «Domestic Realities and Imperial Fiction» (1993). В своей методологии М. А. Стюарт опирается на теории феминизма, материалистическую культурологию и теории постколониальной эры. Она доказывает, что финансовое неравенство между семейством Бертрамов и семьей Фанни Прайс легко трансформировалось в социальное неравенство, что было естественным результатом культуры, основанной на рабстве.

В 90-е годы выходили и другие историко-литературные и критические работы, посвященные Джейн Остин. Сэнди Берн выделяет, например, *Cambridge Companion to Jane Austen* (1997), вышедший под редакцией Э. Коупленда (Edward Copeland), и Джульет МакМастер (Juliet McMaster). Сэнди Берн особо останавливается на статье Джона Уилтшира (John Wiltshire) «Мэнсфилд Парк», «Эмма», «Доводы рассудка» (Mansfield Park, Emma, Persuasion).

Джон Уилтшир утверждает, что роман написан более опытным и зрелым автором, чем той Джейн Остин, какой она была, создавая «Аббатство Нортэнгр», «Здравый смысл и чувствительность», «Гордость и предубеждение». Организация пространства, вся «оркестровка» повествования создают ту психологическую глубину, которая делает этот роман вехой в истории английской литературы, — уверен Джон Уилтшир.

Роман породил множество интерпретаций. Неудивительно поэтому, что на его основе возникло несколько киноверсий, обзору которых посвящена последняя, седьмая, глава сборника.

Редактор сборника начинает главу с констатации того факта, что в 80-е и 90-е годы XX века очень многие люди приобщались к творчеству Джейн Остин через знакомство не столько с книгами, сколько через просмотры фильмов-экранизаций ее романов.

В сборнике приводятся выдержки из книги Линды Труст (Linda Troost) и Сэйры Гринфилд (Sayre Greenfield) «Джейн Остин в Голливуде» (первое издание — 1998 г.), во втором издании (2007) которой есть специальная глава, посвященная экранизации романа «Мэнсфилд Парк». Глава написана Кэрол М. Доул (Carol M. Dole), которая анализирует выпущенный в 1983 году на БиБиСи телевизионный фильм и фильм, снятый в США. Кэрол М. Доул видит заслугу канадского режиссера фильма, выпущенного при студии Miramax, Патриции Роземы (Patricia Rozema) в том, что она представила эволюцию Фанни Прайс от молчаливой, страдающей девочки к хозяйке своей судьбы; от тихой мышки, скромной и добродетельной, к активному созидателю собственной судьбы.

Сью Пэррил в книге «Джейн Остин в кино и на телевидении» (2002), также вышедшей в Америке, дает развернутое сравнение романа с фильмом «Мэнсфилд Парк» 1999 года и сериалом БиБиСи. Пэррил справедливо не соглашается с той точкой зрения, что фильмы Роземы не являются полной версией романа по сравнению с более поздними экранизациями, созданными под влиянием новейших постимперских и феминистских интерпретаций творчества Остин.

Сравнение сериала БиБиСи и фильма Роземы выявляет два противоположных подхода к экранизации романа. Розема выделила социальные и политические реалии начала XIX века, которые были очевидными для современников. Сериал БиБиСи сосредоточен на особенностях нравов и костюмов эпохи.

Сью Пэррил замечает еще одно важное отличие фильма П. Роземы: в нем достаточно большое внимание уделено проблеме рабства. В романе рабство упомянуто один раз; в сериале БиБиСи о нем не говорится ничего. В фильме студии Miramax тема рабства затрагивается в разговоре Фанни и Эдмунда. Фанни одобрительно отзывается о деятельности аболиционистов. Эдмунд напоминает, что все они живут с доходов плантации, на которой трудятся рабы, хотя и упрекает отца за его отношение к мулатам.

Сью Пэррил обращает внимание на характерный для фильма Патриции Роземы подтекст, содержащий параллель между положением рабов и положением женщин в то время.

Сэнди Берн находит место в редактируемом ею сборнике и литературоведческим подходам в оценке экранизаций романа. Так она приводит высказывания Джона Уилтшира, который сравнивает способы

раскрытия внутреннего мира героини с помощью повествовательного дискурса в романе и с помощью кинематографических приемов в фильме. Дж. Уилтшир полагает, что фильму не хватает глубины проникновения во внутренний мир Фанни и убедительности в раскрытии ее духовной эволюции.

Говоря о телевизионном сериале по роману «Мэнсфилд Парк», редактор сборника оценивает его объективно и солидаризируется с высказываниями критиков, одобрительно оценивших его историзм, верность передачи сюжета и характеристик персонажей, но осудивших его длинноты и тяжеловесность.

Сэнди Берн заключает, что ценности критических исследований романа на протяжении 190 лет заключается в том, что они помогли читателям понять и оценить те качества, те особенности творчества Джейн Остин, которые побуждают нас читать и перечитывать ее снова и снова.

Делая выводы по обзору, мы отдаем предпочтение оценкам Р. Фаррера, В. Вульф, Т. Тэннера, М. Эванс, которые содержат подробный и убедительный анализ характеров и конфликтов романа, его идейных основ и стилистики.

Сам же путеводитель по критической литературе о романе «Мэнсфилд Парк» отражает все исторические этапы и разнообразные методологические подходы к изучению творчества Джейн Остин. Он свидетельствует об огромной значимости романа «Мэнсфилд Парк» в истории английской литературы и о великом таланте его автора.

Библиографический список

1. Jane Austen. Mansfield Park. A Reader's Guide to Essential Criticism. Edited by Sandie Byrne : Palgrave Macmillan, 2005. — 301 p.

ПАЛИЙ Анна Абрамовна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры английского языка.
Адрес для переписки: anna_paley@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.09.2015 г.
© А. А. Палий

УДК 811.111:351.74

В. В. ГАЛКИНА

Омский государственный технический университет

ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Объектом исследования данной статьи является англоязычная терминология правоохранительной деятельности. Цель статьи — исследовать профессиональный язык правоохранительной деятельности с точки зрения дискурсивного анализа. В статье дается характеристика понятия «дискурс», выделяются экстралингвистические факторы, влияющие на формирование и развитие терминологии правоохранительной деятельности. В работе дается описание различных подходов ученых-лингвистов к данной проблеме. Теоретическое изложение сопровождается примерами.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, терминология, фактор, термин, текст, исследование, контекст.

Изучение проблем профессиональной терминологии в социолингвистическом ракурсе является сегодня одной из важнейших задач современного языкознания. Одним из первостепенных направлений многоаспектного исследования англоязычной терминологии правоохранительной деятельности является выявление экстралингвистических факторов, послуживших развитию терминологии правоохранительной деятельности. Очевидно, что история любой науки тесно связана с историей слов и терминов, поэтому исследование проблем взаимоотношений языка и общества видится важным и значимым.

Особое внимание в работе уделяется особому типу дискурса, который отчетливо презентует языковую картину специалиста с точки зрения его профессиональной деятельности. Профессиональный дискурс в современной лингвистике особенно актуален, поскольку лексическая составляющая отражает важный фрагмент языковой картины мира специалиста. Термины составляют лексикон языка для профессиональных целей и содержат в себе отличительные признаки культуры, характеризующие представителей конкретной специальности.

Актуальность данной работы предопределена рядом факторов, таких как: научный интерес к исследованиям в области терминологии в общем и в области узкоспециальных терминологий в частности, выявление основных тенденций и закономерностей

повлиявших на функционирование терминологии правоохранительной деятельности, а также изучение дискурса сотрудника правоохранительных органов в ракурсе языковой картины мира.

Материалом для исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области терминологии, истории возникновения права и закона, специальные журналы и словари.

Дискурс, являясь специфическим объектом многочисленных исследований ученых, часто понимается широко и неоднозначно. В лингвистике данное понятие становится все более актуальным для исследований разнообразных процессов коммуникации с целью информационного обмена в ментальной деятельности адресанта и адресата. В определении понятия «дискурс» нет однозначной точки зрения. Дискурс (от французского discourse — речь, процесс языковой деятельности) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136—137].

Термин «discourse analysis» впервые стал использовать З. Харрис в 1952 году, который попробовал перенести дистрибутивный метод с предложения на связный текст и привлечь к его описанию социокультурную ситуацию. Однако широкое применение в лингвистике дискурсивный анализ приобрел только в 70-е—80-е годы XX века, когда в лингвистике наметилась новая тенденция к разграничению понятий «текст» и «дискурс». Помимо лингвистики, исследованиями дискурса занимаются такие науки, как компьютерная лингвистика, психология, логика, философия, педагогика и др. Дискурс — объект междисциплинарного изучения. Многие из перечисленных выше наук оказали влияние на лингвистический дискурсивный анализ. Изучение и анализ литературы позволяют говорить о том, что понятие «дискурс» имеет большое количество разнообразных значений и представляет широкое поле деятельности для исследования процесса коммуникации. В. А. Звегинцев дает определение понятия «дискурс» следующим образом: «Под дискурсом... будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи ... дискурс может состоять и из одного предложения при условии, что он будет обладать всеми признаками, которыми обладают два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи и образующих эксплицитный дискурс» [2, с. 170—171]. Е. С. Кубрякова описывает дискурс как особую форму использования языка в реальном времени, отражающую определенный тип социальной активности человека, и такая активность создается в целях конструирования особого мира с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого участниками акта коммуникации, условиями и целями [3, с. 527]. Таким образом, можно утверждать, что под текстом понимается абстрактная, наделенная формальными признаками конструкция, а под дискурсом — различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с влиянием экстралингвистических факторов. Согласно выводам основателя дискурсивного анализа голландского лингвиста Т. А. ван Дейка дискурсивный анализ состоит из двух аспектов: 1) текстуальный анализ; 2) контекстный или контекстуальный анализ дискурса. Первый предполагает структурный анализ текста на всех его уровнях (фонетическом, графическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом, семантическом, лексическом, макроструктурном). Второй включает в себя рассмотрение всех экстралингвистических факторов: времени, места, сферы деятельности, участников дискурса, их социальных ролей, характера их взаимоотношений. Основой дискурсивного анализа, таким образом, можно считать идею о том, что структура текста определяется характером контекста [4, с. 99].

Как отмечалось выше, языковой или текстуальный аспект анализа дискурса включает в себя структурный анализ текста на всех его уровнях, от фонетического до синтаксического. Каждый из этих уровней может быть использован для извлечения максимума информации. Когда мы исследуем особые типы дискурса, такие как, например, речь сотрудника правоохранительных органов, первостепенной задачей является не просто описание структур, возможных в его изречениях, но и грамматических структур, предпочтительных или типичных для дискурса данного вида. Так, в официальных ситуациях и письменных текстах необходимо использовать язык официального общения и более сложные, более полные, грамматически более правильные предложения, чем в неформальных разговорах. Такие социальные факторы, как общественное положение, обладание властью, пол, этническая принадлежность, также оказывают влияние на стилистическую вариативность. Грамматический анализ использования языка в речи сотрудника правоохранительных структур имеет общую направленность речи говорящего.

С точки зрения синтаксического анализа, в английском языке существует огромное количество синтаксических конструкций, однако релевантными для дискурсивного анализа будут лишь те, использование которых варьируется в зависимости от жанра текста и контекста. По мнению Т. А. ван Дейка, номинативная фраза артикль + существительное, принятая во многих европейских языках, установлена правилами грамматики обязательна во всех контекстах, а значит, не релевантна для настоящего анализа [5, с. 5]. Синтаксис предложения может отражать распределение семантических ролей участников события либо порядком слов, либо использованием активных или пассивных форм.

Следующим шагом в сложной системе контекстуального анализа, по мнению Т. А. ван Дейка, является необходимость признания участников процесса создания/потребления дискурса социальными субъектами (social actors) и членами определённых социальных групп [4, с. 136]. Они являются представителями социума, наиболее близко располагающимися к самому сообщению, так как именно они создают и интерпретируют тексты. Деятельность этих социальных субъектов, их социокультурная активность, общность убеждений или идеологии дают возможность соотнести тексты дискурса с процессами их производства и потребления. Связь между текстами дискурсов и контекстом определяется на уровне социальной деятельности и социальных знаний, включенных в процесс обработки этих текстов [4, с. 138]. Как известно, участники коммуникации могут выступать в разных ролях, и эти роли могут влиять на производство и понимание дискурса. По мнению Т. А. ван Дейка, уместно обратиться к трём типам ролей: коммуникативным ролям (communica-

tive roles), ролям взаимодействия (interactional roles) и социальным ролям (social roles). Участникам коммуникации необходимо ассоциировать себя и других участников с производителями или же потребителями сообщения для осознания своей коммуникативной роли. Роли взаимодействия определяют различные ситуационные позиции участников по отношению друг к другу, такие как враг – друг, оппонент – союзник. Социальные роли связаны с принадлежностью к той или иной социальной группе по этническому, половому, возрастному, политическому, профессиональному и прочим признакам. Очевидно, что эти роли могут комбинироваться друг с другом. Очень важной категорией контекста являются социальные отношения между участниками коммуникации. На более общем уровне можно говорить о формальных — неформальных отношениях или об отношениях превосходства, власти; на более детальном уровне рассмотрения, которые могут быть выражены во многих аспектах речи: интонации, синтаксисе, лексике, семантике, прагматике (например, в командах) и так далее [6, с. 11]. Итак, исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что контекстуальные категории обстоятельств, сферы деятельности, роли участников и типы взаимодействия между ними обусловливают в определённой мере сам текст.

Таким образом, социолингвистика изучает и рассматривает дискурс как общение людей, принадлежащих к определенной социальной группе, или общение людей в типичной речеповеденческой ситуации. Одной из основных характеристик языковой личности можно считать принадлежность её к той или иной профессиональной группе, а также владение ею тем или иным типом дискурса. Дискурс специалиста определяется его профессиональной компетентностью и зависит от его коммуникативно-профессиональных потребностей. Как и любой другой вид дискурса, дискурс сотрудника правоохранительных органов может быть определен по следующим признакам: 1) статусно-ролевые характеристики участников коммуникации: полицейский — правонарушитель (a policeman — an offender), следователь — подозреваемый (an investigator — a suspect); 2) цели общения: выявление обстоятельств совершения преступления, установление вины или невиновности подозреваемого; 3) место общения: отдел уголовного розыска, тюрьма, зал судебных заседаний.

Дискурс сотрудника правоохранительных органов содержит все виды профессиональной коммуникации: 1) письменная документация (законы, протоколы, рапорты, письменные показания свидетелей и очевидцев преступлений); 2) устная речь (публичные выступления в суде, обвинительные или оправдательные приговоры, опросы свидетелей и допросы подозреваемых и преступников). С точки зрения частеречной принадлежности терминов правоохранительной деятельности, в дискурсе подавляющее большинство лексических единиц представлено именами существительными, большая часть из них — односложные термины (простые, производные, сложные существительные): *an act — поступок, a criminal — преступник, a policeman — полицейский).* Имена существительные в дискурсе могут обозначать:

— одушевленные предметы: *detective — детектив, сыщик; investigator- следователь. No successful investigation is available without participating highly professional policemen — patrol officers, detectives or investigators;*

— неодушевленные предметы: *a car* — патрульный автомобиль, *a beat* — район, участок. *Once a squad car manned by two officers was on the street patrolling the beat*;

— абстрактные понятия: *investigation — расследование; structure — структура; function — функция, service — служба. Criminal investigation is the keystone of the police service and in the structure of the detective function.*

Значительное количество терминов правоохранительной деятельности являются отглагольными существительными, обозначающими процесс: *interviewing — опрос, listening — слушание. Interrogation and interviewing involve questioning and more important, listening.* Прилагательные входят в состав терминологических сочетаний: *a successful investigator — преуспевающий следователь. A successful investigator never forgets that his attitude to the subject of interrogation may be the key to the solution of a case.* Прилагательные также наделены описательными характеристиками, что позволяет оценить работу сотрудника правоохранительных органов: *preliminary — предварительный, general — общий, final — конечный, завершающий. The process of crime scene search usually includes four stages: the preliminary, general observation, detailed search and final stages.* Глаголы используются преимущественно в форме настоящего времени, обозначая процессуальность, регулярность повторения действий: *To conduct a crime scene search properly the investigator* ***reconstructs*** *the happening,* ***analyses*** *the operational conditions,* ***makes*** *an estimate of the situation and* ***develops*** *and* ***follows*** *a definite way of doing his job.*

Как было отмечено выше, структура и содержание текста определяются характером контекста. В качестве примера можно представить отрывок текста *«A list of Do's and Don't's in interrogation»*, который наиболее полно и точно отражает речевые отношения. В данном примере показана коммуникативная ситуация общения между опытным сотрудником полиции и новичком. Рекомендации даются в форме совета с использованием побудительных предложений, вводимых конструкциями *do* and *don't*.

While interviewing or interrogating the subject don't do anything hasty, mind some general rules of questioning, e.g.:

— select a police providing you with a psychological advantage and conduct the questioning as soon as possible after the occurrence;

— be a good actor, play the part; find the best way for contact with the subject;

— get down or up to the subject's level;

— don't be in a hurry with the conclusions;

— learn to listen. Never interrupt the subject when he is speaking;

— ask direct questions only after the subject's story when he is ready to give additional information;

— ask one question at a time;

— don't ask questions which require the answers «Yes», «No» or «Perhaps»;

— dominate the situation. Don't let the interview or interrogation go out of control. Use small psychological gestures when it is necessary to bring some difficult person under control : tell him to stop smoking or direct him to chair other that he chooses... [7, с. 327 – 328].

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что узкоспециальная лексика составляет достаточно большой процент терминологии правоохранительной деятельности. Дискурс сотрудника правоохранительной деятельности представляет

собой сложное, неоднородное явление, совокупность разнообразных речевых ситуаций, где участники разных социальных групп в процессе коммуникации используют межотраслевые термины, общелитературную лексику, профессиональные термины.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ текста. Семантика начала и конца / Н. Д. Арутюнова. — М. : Изд-во Индрик, 2002. — 648 с.
2. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. — М. : Изд-во МГУ, 1976. — 308 с.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 527.
4. Дейк, Т. А ван. Вопросы прагматики текста / Т. А ван. Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. — 1978. — № 8. — С. 259—336.
5. Dijk, T. A. van. News as Discourse / T. A. van Dijk. — N. Jersey, How and London : Lawrence erlbaum associates, publishers, 1998. — 200 p.
6. Dijk, T. A. van. Discourse, ideology and context // Folia Linguistica. — 2001. — № 35 (1—2). — P. 11—40.
7. Соловей, С. С. Учебник английского языка для профессионалов правоприменительной деятельности / С. С. Соловей. — М., 2004. — 616 с.

ГАЛКИНА Вероника Викторовна, аспирантка кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета; преподаватель кафедры иностранных языков Омской академии МВД России.
Адрес для переписки: veronika.klimenko2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.11.2015 г.

© В. В. Галкина

УДК 811.111:620.3

Г. П. ТЕРЕНТЬЕВА

Омский государственный технический университет

АББРЕВИАЦИЯ И АКРОНИМЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ НАНОТЕХНОЛОГИЙ

Автор рассматривает различные теории способов сокращений, приводит определения термина-аббревиация, акроним и классификации этих терминов. В данной работе анализируются виды аббревиации в терминологии нанотехнологий. Автор приводит статистические данные и выделяет модели сокращений терминов.

Ключевые слова: аббревиатура, акроним, морфологический критерий аббревиатур, буквенные акронимы, акронимы — существующие слова.

Целью данной статьи является рассмотрение намеченых отдельных аспектов изучения акронимов, современного этапа развития английского языка. Некоторые акронимы определенно можно считать прямым свидетельством гибкости языка и его способности к адаптации в любых общественных условиях, а также доказательством действия закона экономии речевых усилий, что в очередной раз подтверждает социальную сущность и системный характер как отдельных языковых явлений, так и языка в целом.

В работах последнего десятилетия часто встречаются термины «аббревиация» и «аббревиатура». Под термином «аббревиация» имеется в виду «способ словообразования, суть которого в конденсировании средств выражения и обобщенном восприятии содержательной стороны новых языковых единиц» [1, с. 42], а «аббревиатура» — результат этого процесса.

Дело в том, что многие ученые (Кубрякова Е. С., Ярмашевич М. А., Мурычева А. С., Митрофаненко Л. М., Ильченко Л. М., Дюжикова Е. А.) рассматривают аббревиацию в широком смысле слова, подразумевая под ней любой процесс в языке, в результате которого некоторая исходная единица утрачивает часть составляющих ее элементов и превращается в сокращенную единицу [2, с. 88].

Считается, что употребление термина «аббревиатура» возможно только в узком смысле, то есть для лексических сокращений, получивших статус слова в лексической системе языка [3, с. 54].

Под аббревиатурой понимается буква или короткое сочетание букв, имеющих алфавитное сходство с исходным словом или выражением и используемое вместо этого слова или выражения для краткости [4, с. 130].

Аббревиатура — (итал. abbreviatura, от лат. abbreevio — сокращаю) — существительное, состоящее из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усечённых компонентов исходного сложного слова. Последний компонент аббревиатуры может быть также целым (неусечённым) словом [5, с. 32].

Аббревиатуры также называются структурно-стилистическими соответствиями слов и сочетаний, которые получают «преимущественное право взаимозаменяемости, в то время как развернутое наименование служит лишь средством толкования понятия, выражаемого аббревиатурами» [6, с. 20].

При анализе структурных особенностей аббревиатур проводится сопоставление их форм с исходными полными сочетаниями. Все сочетания, трансформируемые в аббревиатуры, делятся на группы по количеству компонентов в них. Анализируются 3 группы аббревиатур, образованные от:

— двухкомпонентных сочетаний;
— трехкомпонентных сочетаний;
— четырехкомпонентных сочетаний.

1-я группа:

constant amplitudemode (CA) — all structures and mechanical components that are cyclically loaded can fail by fatigue — *собственные колебания с постоянной амплитудой.*

2-я группа:

ransmission electron microscopy(TEM) — is a microscopy technique in which a beam of electrons is transmitted through an ultra-thin specimen, interacting with the specimen as it passes through. — *трансмиссионная электронная микроскопия* — Nanostructures, Micro/Nanofabrication and Micro/Nanodevices

dielectrophoresis (DEP) — is a phenomenon in which a force is exerted on a dielectric particle when it is subjected to a non-uniform electric field — *диэлектрофорез (физика).*

recognition force microscopy (RFM) − showed that OmcA and MtrC are expressed on the exterior surface of living *Shewanella oneidensis* MR-1 cells when Fe(III), including solid-phase hematite (Fe_2O_3), was the terminal electron acceptor — Scanning Probe Microscopy — *распознавание силовой микроскопии.*

3-я группа:

immobilized metal ion affinity chromatography (IMAC) — affinity chromatography, based on the specific coordinate covalent bond of amino acids to metals — **аффинная хроматография иммобилизованным ионом металла** (химия) — аффинная хроматография, основанная на особо координируемой ковалентной связи аминокислот с металлами

XNOR The XNOR gate (sometimes spelled «exnor» or «enor» and rarely written NXOR) is a digital logic gate whose function is the inverse of the exclusive OR (XOR) gate. The two-input version implements logical equality, behaving according to the truth table to the right. A HIGH output (1) results if both of the inputs to the gate are the same. If one but not both inputs are HIGH (1), a LOW output (0) results. *(Логическая операция инверсии)* (Boolean informatics)

relative position error signal (RPES) — sets of capacitive comb finger arrays act as position sensors to measure shuttle displacement relative to the tip of the disk drive suspension — *взаимоположение сигнала отклонения* — Industrial Applications and Microdevice Reliability.

Закономерная способность языковой системы к адаптивности как никогда ранее проявилась в век информационного взрыва.

Естественно, что язык, и прежде всего его лексическая система, немедленно отражает все соответствующие инновации. Наиболее отчетливо этот процесс прослеживается на материале лексики терминологического характера.

Постоянно разрастающаяся информационная парадигма интенсивно обновляется сложными когнитивными понятиями, созданными на стыке нескольких наук и различных сфер жизни.

В английской системе номинации все большую популярность приобретают аналитические формы обозначения новых понятий. К таковым относятся многочленные номинативные комплексы, то есть сочетания нескольких существительных в одном падеже, образованные по типу полиномов [7].

Другим, по нашему мнению, заслуживающим внимания явлением, характерным для современных тенденций в системе номинации, является значительное увеличение акронимии.

Существует несколько определений термина «акроним».

Акроним (от греч. acros — конец и onym — имя) обычно понимается как вид инициальных аббревиатур, графическая и звуковая форма которых выглядит и звучит как новое самостоятельное слово [8, 9].

Акроним определяется так же, как сокращение, образованное только из первых букв слов [10].

Кроме того, акронимом считается сокращенное слово, образованное из начальных букв или начальных элементов слов названного словосочетания и сходное или совпадающее по своей форме (фонетической структуре) с обычным словом и которое произносится в речи по правилам произношения [11].

Иногда акроним называют буквенной аббревиатурой — СНГ, НАТО [12]. Однако нам представляется, что также акроним нельзя считать словом, т.к. у них нет понятийного эквивалента.

На сайте physicsdaily.com акронимом считается любая инициальная аббревиатура [13].

Но все чаще определение этого термина сужается. Акронимом называют только те инициальные аббревиатуры, которые по своей графической и звуковой форме совпадают с уже существующими в языке словами [14].

Акронимы также являются системными единицами, поскольку соотносятся с такими явлениями лексической системы английского языка, как аббревиация, омонимия, плеоназм.

Следует также отметить, что создание акронимов — это выход из затруднительной перегруженности терминологических сочетаний, явно препятствующих их восприятию или тем более воспроизведению в полной форме. Системное изучение этих единиц явно необходимо. Данная работа является попыткой системного подхода к изучению акронимов.

По нашему мнению, определение И. В. Арнольд нуждается в уточнении. Акроним — это не обязательно «новое слово», а чаще новое значение или омоним известного слова, или и то и другое. В терминологии нанотехнологий существует несколько видов акронимов по способам их формирования и произношения:

1. Акронимы могут быть сформированы из начальных букв каждого слова фразы, рассмотрим морфологическую и содержательную структуру терминов исследуемой области.

reflection interference contrast microscopy (RICM) — is an optical microscopy technique that utilizes polarized light to form an image of an object on a glass surface. The intensity of the signal is a measure of proximity of the object to the glass surface — Nanotribology and Nanomechanics

deep reactive ion etching (DRIE) — is a highly anisotropic etch process used to create deep penetration, steep-sided holes and trenches in wafers/substrates, typically with high aspect ratios — *глубокое реактивное ионное травление* (физика, химия).

2. Акронимы, которые по своей звуковой и графической форме совпадают с уже существующими в языке словами [15, с. 58−64]. Это особый вид акронимов. Они, по существу, являются полными омонимами известных английских слов, которые следует правомерно выделить среди других акронимов [15, с. 42].

triethanolamine (TEA), is a viscous organic compound that is both a tertiary amine and a triol — *триэтаноламин.* — Nanostructures, Micro/Nanofabrication, and Micro/Nanodevices [16].

statistical optical reconstruction microscopy (STORM), in which a fluorescence image is constructed

from high-accuracy localization of individual fluorescent molecules that are switched on and off using light of different colors — *микроскопия стохастической оптической реконструкции.*

dual-in-line packaging (DIP), is a chip encased in hard plastic with pins running along the outside — *(плоский) корпус с двухрядным расположением (штырьковых) выводов (информационные технологии)* [17].

Как показывает материал исследования, выборка акронимов из словарей и английского текстового материала по нанотехнологиям составила около 4 и 3 процентов соответственно. Общий объем отобранных акронимов составил около 100 единиц, что свидетельствует о распространенности данного вида единиц в номинативной системе.

Библиографический список

1. Ярмашевич, М. А. Образование и функционирование аббревиатур в газетно-публицистических и научных статьях : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Ярмашевич. — Саратов, 1990. — 219 с.
2. Ильченко, Л. М. Компрессивное словообразование как один из способов реализации принципа языковой экономии : дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Ильченко. — Пятигорск, 1994. — 190 с.
3. Бессонова, Н. П. Функционирование сокращений в тексте : дис. ... канд. филол. наук / Н. П. Бессонова. — М., 1993. — 197 с.
4. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия / В. В. Борисов. — М., 1972. — С. 38, 124—143.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. т. 1. А-3 [Текст] / В. И. Даль. — 4-е изд., стер. — М. : Русский язык. — Медиа, 2007. — 699 с.
6. Береговская, Э. М. Хрестоматия по французской стилистике [Текст] / Э. М. Береговская. — М., 1986. — С. 20—23.
7. Жукова, Л. К. Полином как единица вокабуляра / Л. К. Жукова // Культура народов Причерноморья. — 2004. — № 55, т. 1. — С. 36—46.
8. Арнольд, И. В. Английские акронимы как пример функционирования адаптивной системы / И. В. Арнольд // Словообразование и фразообразование : тез. докл. науч. конф. — М. : Высшая школа, 1979. — С. 15—17.
9. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. — М. : Высшая школа, 1986. — С. 142—145.
10. Универсальный дополнительный практический толковый словарь И. Мостицкого [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://mostitsky_universal.academic.ru (дата обращения: 11.06.2015).
11. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://perevodovedcheskiy.academic.ru (дата обращения: 11.06.1015).
12. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords13 (дата обращения: 11.06.2015).
13. The Physics Encyclopedia [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www://physicsdaily.com (дата обращения: 11.06.2015).
14. Дубенец, Э. М. Modern English Lexicology. Theory and Practice // Э. М. Дубенец. — М. : Глосса-Пресс. — 2002. — С. 58—64.
15. Acronyms. Compiled, edited, and Published by John P. Tutunjian. Tutunjian, John P. Jericho, N.Y. : BOOK 1971. 44 p.
16. Энциклопедический словарь нанотехнологий [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://dic.academic.ru/contents.nsf/nanotechnology/ (дата обращения: 15.06.2015).
17. Handbook of Nano-technology. Bharat Bhushan (Ed.) (Springer, 2010, 3rd ed.) 2000 p.

ТЕРЕНТЬЕВА Галина Петровна, преподаватель кафедры иностранных языков, соискатель по кафедре иностранных языков.
Адрес для переписки: r-t@bk.ru

Статья поступила в редакцию 19.11.2015 г.
© Г. П. Терентьева

Книжная полка

Винникова, Т. А. Теория языка СМИ: создание образа человека и его восприятие : моногр. / Т. А. Винникова, М. А. Федорова. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. – 171 с.

Монография является комплексным лингвистическим исследованием речевого жанра «портрета человека». Его цель — прагматическое описание публицистического варианта портрета, а также проведение эксперимента на базе портретных очерков, опубликованных в русско- и англоязычной версиях журнала «Космополитен» (Cosmopolitan), с целью установления закономерности использования национального стереотипа (лингвокультурологической модели) «идеального человека» как средства воздействия на массовую аудиторию. Может представлять интерес для широкого круга читателей: ученых, студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных дисциплин, интересующихся вопросами лингво-, психо-, социо- и когнитивной лингвистики, прагматики, теорий коммуникации и языка СМИ.

Чурилова, И. Н. Социолингвистическая обусловленность особенностей формирования терминологии профессиональной сферы : моногр. / И. Н. Чурилова. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. – 83 с.

Рассматривается театральная терминология в английском языке, появившаяся после 1990 г. в социолингвистическом освещении. Значительное внимание уделяется способам формирования новых театральных терминов, их экстралингвистической обусловленности. Рекомендуется филологам, терминологам, переводчикам, а также преподавателям, студентам, аспирантам театральных учебных заведений и учебных заведений культуры и искусства и всем, кто интересуется проблемами в области терминологии.